

Николай
Романецкий

ВЕЗУНЧИК

«Север-Запад»

Везунчик

Николай Романецкий
Дельфин в стеарине

«Автор»

Романецкий Н. М.

Дельфин в стеарине / Н. М. Романецкий — «Автор»,
— (Везунчик)

Сколько стоят рубашки, в которых рождаются счастливики? Кто их шьет, как снимают мерку и кому они предназначены? Могут ли такие рубашки возвращать память, отводить порчу и отражать густо летящие пули? Ищите ответы на все эти вопросы в новом романе Николая Романецкого, и вам наверняка тоже улыбнется удача!

© Романецкий Н. М.

© Автор

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	15
5	18
6	23
7	29
8	32
9	35
10	39
11	41
12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ник. Романецкий

Дельфин в стеарине

Памяти Э. С. Гарднера, А. Конан-Дойла, А. Кристи, Р. Стаута, Р. Чандлера, герои которых останутся со мной навсегда.

1

Бабка была шустрая, как мышка. Хотя к дамской фигуре подобных габаритов сравнение с этим мелким грызуном, конечно, не слишком-то подходит... Однако слова из песни не выкинешь. Особенно из уже спетой... А моя песенка была явно спета: бабка крутилась вокруг, и даже ежу было ясно, что я ей не просто нужен, а чрезвычайно необходим. Как граненый стакан – добывшей вожаденную бутылку троице... На старухе была когда-то синяя (судя по изнанке поднятого воротника), замызганная телогрейка, из-под которой торчала бесформенная серая юбка, красные резиновые сапоги и серый же пуховый платок, какие в наше время увидишь лишь на экране телика или где-нибудь в зауральской тьмутаракани. Бабка вертелась вокруг, и наконец ее маневры привели к тому, что мы оказались нос к носу. У нее были знакомые зеленые глаза, а на лоб спадала из-под платка прядь рыжих волос. Бабка хитро подмигнула мне правым глазом, шмыгнула носом и зычным командирским голосом распорядилась:

– Не спи, странник, проснись! Равнодушие – победа энтропии черной...

– Заткнись! – рявкнул я.

И проснулся.

Под щекой присутствовало мягкое. Кажется, подушка... Ну да, конечно. Подушка.

Я оторвал от нее голову. Приподнялся. Огляделся.

Все вокруг было знакомо.

Трельяж с усыпанной хитрыми дамскими штучками полированной столешницей; в повернутой ко мне створке отражалась часть зашторенного окна; сквозь штору проглядывал белый день... Бельевой шкаф из того же мебельного гарнитура, что и трельяж... Едва заметные контуры триконки в углу, которая здесь выполняет функции телевизора... На противоположной стене голографическая картина – крепко сложенный тип в форме десантника с моим лицом. Капитан Вадим Ладонщиков, которым когда-то был я и который торчал здесь для моего искушения (так, наверное, считала Катя, простившая, но ничего не забывшая)... Ну и двуспальный сексодром подо мной, который среди приличных людей зовется супружеской постелью.

На второй половине сексодрома развалился только кот Пуся, полное имя которого было Базилевс. Супруги же, которая обычно лежала на месте Пуся, не наблюдалось, но я сразу вспомнил причину ее отсутствия.

Немалую часть прошедшей ночи мне пришлось проторчать на улице, наблюдая за женой клиента, и слежка оказалась успешной: я сопровождал парочку до самых дверей «Киевской», периодически делая снимки цифровиком. В номер, правда, было не проникнуть, но ведь и так ясно, зачем отправились в гостиницу двое, каждый из которых имел прекрасный особнячок: кавалер на Каменном острове, а дама (совместную с моим клиентом) – в районе Шувалово-Озерки, между Суздальскими озерами и Выборгским шоссе. Не понимать, зачем отправились в гостиничный номер обладатели таких особнячков, мог лишь полный слепец, а мой клиент им не был. Оставалось только переправить ему снимки, и дело в шляпе. И потому мне было дозволено поваляться в постели, а Катя укатила в офис как обычно к половине десятого...

С чувством хорошо исполненного долга я поднялся с постели, прошествовал в душ и полюбовался собственной слегка помятой физиономией. И только тут, когда на макушку брызнули колкие холодные струи, окончательно проснулся.

Нет, друг ситный! Все не то и все не так, как поет популярный певец, имя которого я никак не могу запомнить...

Все не так, потому что слежкой за любодееми я занимался позавчера, в субботу.

Вообще говоря, в субботу и воскресенье я обычно сижу без работы, поскольку у клиентов выходные, и они проводят время со своими благоверными, которым, естественно, в такие дни не до любовников. Но нынешний мой клиент, владелец сети продуктовых магазинов «Василе-островец», уезжал на деловые переговоры, и его благоверная, как и в рабочие дни, была представлена самой себе, чем, естественно, и воспользовалась.

Да, это было в субботу. А вчера вечером я сделал то, чего не делал никогда, – посетил казино. Вот так вот...

Выйдя из душа, я отправился на кухню и сварганил себе омлет. Конечно, в моем омлете не было анчоусов или половины чайной ложки мелко накрошенного лука-шалота, как у Фрица Бреннера, зато была щепотка красного молотого перца и целая луковица, порезанная полуколечками, спассерованными в оливковом масле, и слопал я эту стряпню все с тем же чувством хорошо исполненного долга. Потом я пил кофе с бутербродами и раздумывал о том, как сильно вогнали мне в голову познания придуманного Рексом Стаутом молодчика, известного всему миру под именем Арчи Гудвин. Впрочем, думается, эти познания намного полезнее, чем информационный багаж другого Гудвина – Великого и Ужасного, способного наделить смелостью Трусливого Льва и помочь Фее Убивающего Домика, но не сумевшего бы справиться с самым вшивым питерским хулиганистым шкетом...

Мои размышления прервала донесшаяся из кармана халата битловская «Облади-облада».

Я глянул на дисплей.

Катя...

Нажал кнопку, поднес к уху:

– Да, Катюша!

– Ты где?

– Еще дома.

– Сейчас перезвоню.

Через пару мгновений в гостиной зазвучало «Июльское утро» в исполнении хипового Урии, и я отправился туда, к проснувшемуся видеофону.

Все-таки нашу квартиру еще апгрейдить и апгрейдить. У нормальных людей и на кухне дисплей с телекамерой, звонок идет прямо туда, где находится хозяин. Но мы на такой апгрейд еще не заработали.

Оказывается, Катя решила полюбоваться на мою физиономию – как я выгляжу после вчерашних трудов.

Я громко поудивлялся странным желаниям дамы, с давних пор бывшей мне законной супругой, а с недавних – еще и секретарем, и бодро доложил, что уже поднялся, позавтракал, намерен отправить последнему клиенту серию добытых вчера снимков-компроматов (Кате я, разумеется, о том, что пойду в казино, не сказал), а потом...

– А потом немедленно в офис, – сказала Катя. – Я назначила на двенадцать встречу с тобой одному весьма настырному типу.

– Он был настырен по отношению к тебе? – спросил я с неудовольствием. – Придется настучать ему по репе.

– Он был настырен по отношению к тебе. – Лицо Кати осветилось улыбкой, от которой я всегда начинал ощущать, что в моей груди тоже есть этот комок мышц, называемый сердцем. –

Хотел увидеть тебя немедленно. Еще бы немного, и я бы сама настучала ему по репе. Но, во-первых, он согласился отложить вашу встречу до полудня, а во-вторых... – Она заметно сглотнула. – А во-вторых, мне кажется, это стопроцентный шанс.

Я немедленно напустил на физиономию решительность, целеустремленность и желание поспешествовать народу (или хотя бы собственному агентству), и объявил, что рву когти на работу.

– Машину я взяла, так что когти рвать тебе придется на общественном транспорте или пешком. Обязательно надень костюм, лучше коричневый. И галстук не забудь повязать. И, ради бога, не вздумай опоздать! – Катя отключилась.

А я все-таки сначала подсел к компьютеру, перекачал с цифровика файлы и отправил компромат клиенту, который наверняка уже появился в городе. По договору он был обязан перечислить оплату на наш счет в течение суток после получения доказательств неверности жены. Возможно, получив их, он сделает перечисление еще сегодня. Потом я запаролил папку с файлами – даже сейчас в Питере найдутся желающие ознакомиться с ними, а что уж говорить, если начнутся серьезные дела!.. Поэтому Катя поставила на наш домашний комп двухуровневый пароль, но я с самого начала решил, что материалов, связанных с серьезными делами, на домашнем компьютере попросту не будет. Береженого бог бережет...

Это шанс, сказала Катя.

С тех пор, как произошел выкидыш (после которого я и подарил ей Базилевса), она сильно изменилась. Сначала заявила, что все случившееся только к лучшему, потому что у частного детектива не должно быть детей. В этом заявлении была логика, но вовсе не женская. Зато абсолютно женским было ее решение бросить старую работу и пойти на службу в недавно созданное детективное агентство «Макмез» в качестве секретаря, завхоза, бухгалтера и обладателя массы других должностей.

Впрочем, детективом в новом агентстве тоже был один человек – я. И пока расширения штатов не предвиделось. Потому что доходов наших едва хватало на то, чтобы сводить концы с концами. Конечно, находятся порой типы, готовые выложить кругленькую сумму за доказательства супружеской неверности, но наше агентство эти типы почему-то обходили стороной. И родители бедных похищенных девочек за нашей помощью тоже не обращались, хотя, судя по выпускам «Телевизионной криминальной службы», похищения в Северной Пальмире случались. Но там всегда оказывались другие специалисты...

В общем, недаром сказали когда-то умные люди: «Сначала ты работаешь на имя, а уж только потом имя – на тебя»! И судя по всему, до второй половины этой формулы успеха «Макмезу» еще скакать, скакать и скакать без седла и уздечки. Но Катя все силы свои дамские клала на то, чтобы аллюр был побыстрее. А я надеялся, что это отвлекает ее от смерти нашего не родившегося сына, и старался помочь, конь в малине!.. Снимая цифровиком похотливых дамочек или отыскивая сбежавших мужей.

Так неужели ж отыскалось наконец седло! Или, на худой конец, уздечка...

2

Офис «Макмеза» расположен в Вавилонской башне – тридцатипятиэтажном деловом центре на проспекте КИМа. Не Кима, а именно КИМа. Так сокращенно в прошлом веке называли Коммунистический Интернационал Молодежи, международную организацию подростков и тинэйджеров, занимавшуюся экспортом мировой революции. Или чем-то подобным.

В наше время от этого интернационала осталась только аббревиатура в названии проспекта, протянувшегося по Голодаю, от Армянского кладбища к Малой Неве. Когда-то на месте этого центра располагался стадион одного из находившихся неподалеку заводов. Но завод давно уже перенесли с Васильевского острова, являющегося географически едва ли не центром города, на одну из окраин. Стадион стал муниципальным и слегка сжался в границах, что и позволило построить тут несколько высотных деловых зданий.

Деловые здания, на мой взгляд, вполне могут быть и тридцатипятиэтажными, а вот неведомому архитектору-мизантропу, что догадался строить такой высоты жилые дома, я бы воткнул здоровенный кол в ж... Ну, в общем, вы и сами догадались – куда! Это ж как надо не любить людей, чтобы предлагать им жить в железобетонных фаллосах...

Ходьбы от нашего дома до Вавилонской башни было двадцать пять минут, и я вполне успел добраться туда на своих двоих. Вошел в фойе, показал охране пропуск и поднялся лифтом на двадцать шестой этаж, где среди разнокалиберных фирм и фирмочек притулились и наши двадцать квадратных метров – приемная-предбанник и рабочий кабинет детективного агентства «Макмез» (Максим Мезенцев к вашим услугам, дамы и господа, верой и правдой, огнем и мечом! А вы, соответственно, рублем, долларом или евро, хотя можно и любой другой валютой).

Выйдя из лифта, я глянул на часы.

До полудня оставалось еще двадцать минут.

Я поздоровался с Вовцом, еще одним охранником (они находились и на этажах тоже), защищавшим наши души и тела от возможных опасностей, парнем неглупым и наблюдательным.

– Ого! – сказал он, оглядев меня с ног до головы. – У вас сегодня годовщина свадьбы?

– Почти, – ответил я. – Смотрины жениха.

Мы выкурили по сигарете, потрепались о шансах нашего двуглавого орла на предстоящем кубке мира по хоккею, пришли к согласному выводу, что светит нам там хрен в кожаной юбке. Как почти на всех уже минувших кубках нынешнего века...

Вовец – из странных болельщиков, он просто обожает хоккей и совершенно равнодушен к футболу. Такое бывает крайне редко. В общем, обсудить вчерашнюю победу «Зенита» над «Динамо» в питерском дерби с ним было невозможно, и пришлось заговорить о работе.

– Не видел ли ты моего потенциального клиента?

– Конечно, видел, – сказал охранник. – Других-то ведь и не было. Показывал ему вашу дверь. Тот еще клиент, по-моему. Рожа, как у хорька. Смотри, чтобы тебя не кинул. А лучше вообще не берись за дела людей с подобными физиономиями. Неприятности огребешь лопатой.

Вовец – мужик незлой и, как я уже говорил, весьма неглупый, так что я обычно прислушиваюсь к его мнению. Но платить аренду в наступившем месяце – нам с Катей, а не Вовцу. Поэтому я покивал, сделал вид, будто задумался, и проследовал в свои детективные пенаты.

Катя с грустным видом сидела в приемной, изучая лежащие на столе бумаги. Судя по всему, это были счета. Когда я вошел, она тут же спрятала их в ящик стола и попыталась напугать на мордашку нечто похожее на веселость и удовлетворение жизнью.

Попытка ей не удалась.

Я оглядел приемную. Все шкафы, полки и стулья находились на своих местах, так что до продажи мебели агентство еще не катилось.

Я обошел стол, откатил к стенке стул вместе с Катей и открыл ящик. Катя положила руки на колени, обтянутые строгой черной юбкой, и сказала:

– За свет и связь.

– Наскребем? – спросил я.

– Наскребем. Но на бензин, если захочешь куда-то поехать, не дам. Придется на метро. Иначе завтра есть не на что будет.

Я кивнул.

Финансы поют романсы. Все-таки слежка за неверными женами и мужьями – это не Клондайк.

– Нам нужны серьезные дела, – сказала Катя, глядя на триконку дисплея, по которой гулял скринсейвер в виде гоняющихся друг за другом зеленых чертенят с оленьими – большими и ветвистыми – рогами.

А я подумал, что нам вовсе не стоило закупать для офиса все это суперсовременное моднявое железо. Вполне бы хватило жидкокристаллических панелей и пятилетней давности системных блоков. И уж тем более не стоило покупать программу с сетевым агентом... Но Кате так хотелось, чтобы мы выглядели солидно, что она вбухала в офис все свои сбережения. У Макса же Мезенцева сбережений...

В который уже раз я пожалел, что пижонски растранижил наличность, доставшуюся мне в прошлогоднем деле. Романтик вшивый, в душу меня колуном!..

– Нам нужны серьезные дела, – повторила Катя. – И мне кажется, этот Антон Константинов, что появится через пять минут, серьезный клиент. Он наверняка даст нам серьезное дело.

Честно говоря, я уже не в первый раз слышал от нее эту фразу. С некоторых пор она стала считать, что если верить в хорошие планы, они непременно будут проведены в жизнь. Такова, мол, философия удачного бизнеса. Впрочем, назвать детективное агентство «Макмез» удачным бизнесом мог назвать только полный идиот... И я снова подумал, что стоило бы вернуться к тому, чем занимался до возвращения в Питер Вадим Ладонщиков. Если бы не было так противно...

Я залез во внутренний карман пиджака и вытащил пачку банкнот, выигранных вчера в казино. Пачка была не слишком толстой, потому что я прервал игру в самый разгар, прервал по двум причинам, одной из которых была боязнь просадить уже выигранное, а второй... Вторую я всячески гнал из своих мыслей – и вчера, и сейчас.

– Откуда это? – Карие глаза Кати стали круглыми. Она растерянно потерла рукав белой блузки.

– Не спрашивай, – сказал я. – Могу только поклясться: никого не убил и не ограбил. Это честно заработанные деньги.

Деньги и в самом деле были честно заработанные – хоть и не трудом, а везением, – а потому я фактически не врал.

Катя оставила в покое рукав и быстро пересчитала содержимое пачки – купюры так и мелькали в ее пальцах. И когда только научилась?..

– Что ж, – сказала она. – Банкротство детективного агентства «Макмез» откладывается. Но не более того. На ближайший месяц этого хватит, а дальше... В общем, ступай в кабинет и приготовься. Соберись с мыслями. У меня сложилось впечатление, что наш вероятный клиент – человек пунктуальный.

И я перебрался в кабинет.

Конечно, год назад мне и в голову не могло прийти, что в скором времени я займусь детективной практикой. Тому было две причины. Во-первых, год назад я и так ею занимался. А во-вторых, меня-настоящего, невезучей головушки, бывшего капитана Вадима Ладонщикова,

русского наемника, приговоренного своим же государством к высшей мере за отказ сделаться карателем, попросту не существовало.

Ведь когда осужденному капитану Ладонщикову предложили заменить меру наказания на участие в некоем рискованном научном эксперименте, он долго не раздумывал. Лучше быть живым и здоровым, чем мертвым и больным...

В результате личность Вадима Ладонщикова подменили личностью литературного персонажа Арчи Гудвина, отправленного своим боссом Ниро Вульфом в Россию, в Санкт-Петербург, под видом опять же частного детектива – правда, русского – с заданием отыскать пропавшего питерского врача-гинеколога Виталия Марголина. Разумеется, такой герой как Арчи не мог не найти Марголина, тем более что ему помогали в этом благом деле сердобольные русские женщины. Всякий, кто читал об Арчи, знает, что этот молодчик всегда был любим дамами. Правда, нашлась среди русских дам рыжая медсестра Альбина Паутова, не поддавшаяся на его обаяние. Более того, она попыталась навредить герою колдовством. Но у Альбины ничего не вышло, потому что, найдя Марголина (вернее, его труп), псевдо-Арчи обрел и «рубашку» – из тех, в которых рождаются счастливые люди, – и стал везунчиком, защищенным от чар ведьмы.

Везение не спасло его от попадания в руки бандитов, которым он перешел своим расследованием дорогу, однако избавило от неизбежной в таких случаях смерти. Впрочем, к этому времени Арчи уже понял, что он – не Арчи, и когда доблестные правоохранительные органы спасли его и предложили продолжать расследование, он повел сыскную деятельность уже в двух направлениях – поиск убийцы доктора Марголина и розыск самого себя. Русские подружки Арчи, в одну из которых, Ингу, он попросту влюбился, помогли ему и тут. В результате был выведен на чистую воду начальник питерского РУБОПа генерал Раскатов. Инга помогла своему возлюбленному отыскать и самого себя, но погибла от рук Раскатова. Арчи-Ладонщиков отомстил генералу, однако Инга уже перестала быть для него женщиной всей жизни, ибо, вспомнив себя, Вадим вспомнил и собственную супругу Катю. Именно Катина любовь и была той «рубашкой», что сделала капитана Ладонщикова везунчиком. И именно перед Катей он чувствовал себя виноватым больше всего, поскольку стремлением к подвигам на поле боя сломал ей жизнь.

А посему, когда в благодарность за ликвидацию погрязшего в преступлениях генерала Раскатова начальство позволило капитану Ладонщикову жить дальше под вымышленной фамилией, он вернулся к Кате. И было бы странно не воспользоваться навыками частного детектива, которые сохранились у него от Арчи Гудвина.

Вот так Вадим Ладонщиков и стал Максимом Мезенцевым.

3

Конечно, дизайнер я еще тот, но кабинет был обставлен так, как хотелось мне. И даже понимай я, что означают словосочетания «глубина объема жизненного пространства» или «уровень теплоты оформления стен», вся равно бы настоял, чтобы в моем кабинете обязательно присутствовали две вещи – кресло с обивкой из красной кожи и глобус. Кресло отыскать удалось, а вот глобусов больших размеров промышленность не производила, а изготовить по спецзаказу получалось слишком дорого. Впрочем, такой глобус, как у Ниро Вульфа, в кабинете бы просто не поместился. Поэтому был куплен обычный, школьный, и поставлен на одну из полок позади меня. Допускаю, что эта выходка смешна, но могут же быть у человека маленькие слабости. Даже если он частный детектив с небольшим опытом...

Долго собираться с мыслями клиент мне не дал. Едва я крутанул глобус рукой, донесся еле слышный (но почему-то я всегда его различаю в городском шуме!) звук выстрела с Нарышкина бастиона и интерком Катиным голосом доложил:

– Шеф, к вам посетитель, о котором я предупреждала.

– Пригласите, – отозвался я самым наирадушнейшим тоном, затормозил вращение глобуса и вернул его на полку.

Через пару мгновений он вошел, наш первый «серьезный» клиент. Энергично прошел к красному креслу, в сторону которого я приглашающе кивнул. На секунду замер, оценивающе глядя на кресло, чуть заметно усмехнулся. Сел, осмотрелся. Глянул на глобус и снова усмехнулся. Шатен, серые глаза, в уголках которых притаились мелкие морщинки, пониже меня ростом, чуть расплывшаяся фигура, но в движениях четкость. Наверное, занимался в молодости спортом... Костюм незаносенный, галстук модный, значит – при деньгах. Это радует.

– Здравствуйте! Меня зовут Антон Иванович Константинов. – Он слегка склонил голову, продемонстрировав намечающуюся проплешину на затылке.

– Максим Мезенцев. Слушаю вас внимательно, Антон Иванович.

Он некоторое время приглядывался ко мне, прямо-таки пронзал изучающим взором. Такой взор несомненно просверлил бы в моем лбу дырку, если бы лоб был деревянный. Наконец, клиент сделал положительные для агентства «Макмез» выводы и продолжил:

– Мне нужна помощь.

Я понимающе кивнул и тут же ткнул клавишу интеркома:

– Катя! Принесите нам, пожалуйста, кофе. – Глянул на посетителя: – Вы не против кофе, господин Константинов?

Господин Константинов был не против и, кажется, не сообразил, что вся эта пауза потребовалась мне исключительно для того, чтобы и в самом деле собраться с мыслями: я вдруг остро, до стопроцентной веры в себя, понял, что наш час действительно настал, и это понимание слегка выбило меня из колеи. А еще мне показалось, что этого типа я уже видел. Эх если бы фамилия у него была менее распространенная!

Пока Катя раздавала нам чашки с кофе (заранее приготовленным, разумеется) и ставила на стол сахарницу, я вернул себя в работоспособное состояние. Однако так ничего и не вспомнилось.

– Может быть, вы любите со сливками? – Катя вопросительно посмотрела на клиента, но он лишь недовольно мотнул головой.

Лицо его на секунду обрело такое выражение, будто ему предложили выпить рыбьего жира. Катя и глазом не моргнула – ведь у нас, как и везде, клиент всегда прав.

– Мне нужна помощь, – повторил Константинов, когда она скрылась за дверью. – Вернее, не лично мне, а нашей фирме. – Он положил в чашку сахар, помешал ложечкой, слегка призадумавшись. Тем не менее движения его были точны и стремительны. – Дело в том, – продол-

жал он, – что у нас один за другим погибли два председателя совета директоров. Первый – в начале мая, второй – две недели назад.

Я мысленно поаплодировал Катиному чутью: дело отнюдь не предвещало слезки за неверными женами.

– Естественно, в обоих случаях, как и положено, было проведено дознание, но органы правопорядка пришли к выводу, что наши коллеги погибли в результате несчастного случая. Мне же представляется, что органы ошиблись.

– А у вас есть причины для подобного вывода? – быстро спросил я.

Он коротко мотнул головой:

– Нет, особых причин у меня нет. Считайте, просто нюх. У таких людей, как наши покойные коллеги, всегда имеются враги. Кроме того, один из погибших был моим другом, и я просто обязан... – Он замолк и отхлебнул кофе, снова повозил в чашке ложечкой. – Думаю, вы сами понимаете.

Я кивнул:

– Понимаю... А что у вас за фирма?

– Фирма называется «Бешанзерсофт». Новые компьютерные технологии. Сетевые агенты... Эс-А «Полина» – слышали, небось?

Я снова кивнул.

Еще бы не слышать! Именно на «Полину» моя Катя и выкинула немалый кусок своих сбережений. Правда, в нашем хозяйстве «Полина» называлась «Подем»... Но я бы назвал программу Бесподом, а еще лучше Беспользнякам, потому что она пока не очень оправдывала вложенные в нее средства. С другой стороны, при слежке за женами-изменщицами такие программные ресурсы и не нужны, но Катя порой бывает слишком упряма, а у меня не хватает настойчивости, чтобы ее переубедить...

– Вам потребуется аванс, – сказал между тем Константинов. – Думаю, для начала такой суммы хватит? – Он назвал число с тремя нулями.

Я мысленно присвистнул – он неплохо ценил память о погибшем друге. В такие игры имеет смысл играть.

– Для начала хватит... Но вдруг окажется, что все-таки это были несчастные случаи?

– Не были это несчастные случаи! – В голос Константинова прорвалась ярость, но он тут же взял себя в руки. – В любом случае, если вы проведете следствие на должном уровне и представите результаты с достаточной доказательной базой, я заплачу вам за работу. Нам надо знать, кто... – Он замолчал, залпом опустошил чашку и поставил ее на стол. – Ваши расходы плюс... – Он назвал сумму вдвое больше аванса. – Годится такой расклад?

Я опять кивнул, изо всех сил стараясь, чтобы на физиономию не проскочила радость.

– Насколько открыто я могу вести следствие? – Голос мой даже и не дрогнул.

– Как можно менее открыто. – Константинов при каждом слове протыкал воздух указательным пальцем правой руки. – Я абсолютно уверен: если до преступника дойдет, что его ищут, могут появиться и другие жертвы. Наша компания наконец вышла на приличный уровень обеспечения заказами. Эти две смерти очень помешали работе, и если произойдет очередная... В общем, придумайте что-нибудь, не мне вас учить! – Он полез во внутренний карман пиджака и вытащил портмоне.

– Нет, – сказал я, вставая из-за стола. – Составление договора и все расчеты с Екатериной Евгеньевной, пожалуйста. У нас в агентстве финансовыми вопросами занимается она.

Тем не менее он открыл портмоне и положил на стол передо мной визитную карточку. И мне стало ясно: все это время он решал – тот ли я человек, который ему нужен? И, кажется, мне удалось доказать свою нужность.

– Значит, по-вашему, двое ушли из жизни не просто так. – Я снова сел за стол. – И мне следует либо доказать это, либо опровергнуть. Правильно ли я понял предмет нашего договора?

Он положил локти на подлокотники, сцепил пальцы рук и кивнул.

– Вы кого-нибудь подозреваете? Можете назвать имена людей, заинтересованных в смерти ваших коллег?

Он задумался, опустив глаза в пол. В этот момент в нем действительно проявилось что-то крысиное, на какую-то секундочку, почти неуловимо. И мне опять показалось, что где-то я его уже видел. Но вспомнить я не успел – он шумно вздохнул и снова вперил в мою физиономию пронзающий взор, словно подозревал и желал вывести на чистую воду именно меня.

– Никого я не подозреваю. Заинтересованных в смерти Петра и Василия было пруд пруди.

– Понимаю. Но ведь от какой-то печки я должен танцевать!

Он пожал плечами:

– Это ваши проблемы. Деньги, которые я плачу вам, должны быть заработаны, а не подарены.

Я давно уже научился не реагировать на подобные выходки. Клиентов, как и родителей с соседями, не выбирают.

– Могу я хотя бы появиться в офисе вашей компании и начать задавать необходимые вопросы?

– Без этого не обойтись. – Это был не вопрос, а утверждение. – Конечно, появляйтесь. Бюро пропусков нашей компании будут даны соответствующие распоряжения, и оно подготовит вам временный пропуск. Для начала сроком действия на неделю. Годится?

Я кивнул.

– Но я не хочу, чтобы сотрудники знали, что инициатива расследования исходит от меня. И ради бога... – Константинов, в отличие от меня, мог позволить себе поморщиться. – Поменьше шума, поменьше. Мне бы очень не хотелось, чтобы сотрудники оказались взбудораженными. Начнутся домыслы, сплетни. Это обычно отражается на работе самым отрицательным образом. Понимаете?

Это было уже слишком. Я все-таки частный детектив, а не шпион. Расследования без расспросов не бывает, а расспросы как правило сопровождаются домыслами и сплетнями.

– Понимаю, но... – Я развел руками и решил показать зубы. – Если «Макмез» берется за расследование, оно ведется самым тщательным образом. – В душе меня передернуло от такого словесного оборота. – В таких условиях людям не накинешь платок на роток. Более того, домыслы и сплетни порой являются источниками полезной информации. Я буду вести расследование, как считаю нужным. Если вас это не устраивает, можете обратиться в другое детективное агентство.

Он снова вперил в меня сверлящий взор. А я едва дыхание не затаил от собственной наглости. Однако чуть подсказывало, что наглость моя вовсе не чрезмерна... В конце концов, Ниро Вульф, бывало, не раз вел себя с клиентами именно таким образом, и ему сходило с рук!

Сошло и мне...

– Ладно, – сказал Константинов. – Вы уверены в себе, это радует. Детектив без уверенности в себе – что пистолет без патронов. Тем не менее надеюсь, вы будете достаточно деликатны.

Это была победа. Я великодушно рассыпался в уверениях, что буду деликатен, как бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк. И добавил глубокомысленно, что криминальным журналистам, кстати, мы далеко не всякий раз сообщаем о наших клиентах. Тут я был не далек от истины: мое общение с прессой ограничивалось подпольными контактами с Сергеем Баклановым, из-за этих контактов и погибшим. И тогда же, около года назад, я дал себе зарок, что больше такого не повторится...

Константинову моя натужная шутка юмора, кажется, понравилась.

– Хорошо, – сказал он. – Полагаю, я не ошибся в своем выборе... Как, говорите, зовут вашу помощницу? – Он встал.

– Екатерина Евгеньевна. – Я тоже встал и проводил его в приемную.

4

Константинов с Катей занялись решением финансовых вопросов, а я вернулся в свою конуру. Первым делом перевел дух. Потом изучил визитную карточку клиента.

Так, яичная скорлупа, классический стиль, никаких выкрутасов типа стереоизображения, плавающего цвета и т.д. и т.п.

Константинов Антон Иванович, член совета директоров акционерного общества «Бешанзерсофт», руководитель службы безопасности, номер служебного видеофона, номер мобильного, е-мейл-адрес...

Я отложил визитку, повернулся в сторону клавиш, коснулся сенсора «Вызов сетевого агента». Через пару секунд перед столом возникла в воздухе триконка дисплея, пробежали служебные доклады, с меня запросили пароль. Я набрал его, и триконка трансформировалась в знакомую голограмму. Константин Хабенский, звезда отечественного кино начала века, «Ночной дозор», «Убойная сила» и сотня прочих остросюжетных штук. Любимый актер моей дражайшей супруги.

Однако в данном случае речь шла вовсе не о кино – это была видеомаска сетевого агента «СА Полина. v.3.1». Впрочем, как я уже сказал, в этом кабинете Полина называлась Полем. Потому что покупала и устанавливала программу, а так же задавала исходные настройки интерфейса Катя. И ей совсем не хотелось, чтобы моим электронным помощником был ИскИн с именем Полина. Я, правда, давно уже прикинул хрен к носу и вполне мог бы поменять интерфейс, да только незачем порядочному человеку при живой жене приклеивать своему сетевому агенту мадамскую видеомаску. И не имеет никакого значения, что с нею нельзя целоваться-миловаться. Просто есть определенные правила приличия, и их не стоит нарушать. Тем более, что по слухам у «Полины» есть многочисленные дополнительные возможности. В том числе и навыки стриптизерши. Увы, в стандартном исполнении эти возможности не заданы.

– Добрый день, Макс! – Хабенский-Поль ожил и смотрел на меня с ожиданием. – Какие будут указания?

Голос сетевого агента, разумеется, принадлежал вовсе не Хабенскому. Таким голосом могло выражаться лишь нечто бесполое. За каким-то чертом разработчики решили дать программе чисто компьютерные обертоны, и это определенно был недостаток разработки. Как только появятся на рынке голосовые апгрейды, тут же приделаю своему СА человеческое звучание. Зуб даю! Если, конечно, к тому времени Поля не отберут за долги.

– Привет, Поль! Есть работенка! Нужно собрать все данные о компании «Бешанзерсофт». Штат, персоналии, личные взаимоотношения, характеры, связи и прочее... Надеюсь, папа с мамой не заложили в тебя табу на подобные исследования.

– Не понял, Макс. У меня нет родителей.

Увы, сетевые агенты напрочь лишены чувства юмора. Не машинная это область – чувства и эмоции.

– Я имею в виду, друг мой, что твои создатели не запрограммировали запрет на изучение представителей создавшей тебя фирмы.

– Таких запретов не заложено.

Конечно, заложить такие запреты разработчики могли без проблем да еще вкупе с враньем, но хакеры, работающие на конкурентов, давно бы уже сдали фирму «Бешанзерсофт» потенциальным покупателям. Рынок есть рынок...

– Вот и отлично! Приступить к исполнению задания немедленно!

Видеомаска посерела и исчезла с триконки: сетевой агент отправился в недра Сети – просматривать миллионы файлов, задавать вопросы и получать ответы, прокачивать через искусственный интеллект терабайты информации, сравнивать между собой полученные сведения,

анализировать и делать выводы. Думаю, что в мире никто не знает, сколько всего возможного собрано в Сети и сколько из всего этого можно вытянуть истинного. Во всяком случае, я уже пользовался в своей работе возможностями Поля, и он мне помогал. Другое дело, что слежка за неверными супругами многого и не требует. Вот и посмотрим, на что они способны, хваленые сетевые агенты производства компании «Бешанзерсофт» в серьезном деле...

А пока бы не мешало и пообедать. Все-таки омлет хорош только тем, что дешев и быстро приготавливается. Сытость же после него держится очень недолго, а проснувшееся чувство голода оказывается особенно острым. Можно, конечно, позвонить в ближайшую пиццерию и заказать обед прямо в офис, но ведь пицца – это вовсе не свиные ребрышки в особом соусе, которые Фриц Бреннер время от времени готовил нам с Вульфом...

Я хрюкнул и помотал головой. Все-таки Арчи Гудвин сидел во мне намертво. Во всяком случае, что касается «познаний» в кулинарии. Я просто физически чувствовал, как они пахнут, эти чертовы ребрышки! Впрочем, не так уж он меня и доставал, этот запах – за год человек ко всему привыкает. Хотя я бы предпочел обладать не «кулинарными», а профессиональными познаниями и навыками Арчи. Судя по тому, что случилось с Палванычем Раскатовым, год назад они у меня имелись. Но с тех пор ни разу больше не потребовались, и потому я не знал, на что сейчас способен. Правда, что касается рукопашной, тут все было в порядке, поскольку раз в неделю я посещал спортзал и физическую форму поддерживал, но вот стрельба... Надо хоть в тир начать ходить, пожалуй. Существует, правда, мнение, что стрелять, как машину водить – никогда не разучишься, но стрелять-то надо не мнением, а умением.

Ладно, тир – дело будущего. А пока пусть Поль покрутится в Сети, добывая информацию, а мы сходим перекусить.

Я встал и вышел в приемную. Константинова там уже не было. Катя сидела за своим столом и скальпелем точила карандаш.

– Договор заключен, – сказала она. – Кстати, мне пришлось передать в бюро пропусков их компании информацию о тебе.

– Разумеется. Иначе меня туда фиг пустят... Быстро ты с ним однако!

Катя улыбнулась:

– Так я же все заранее приготовила!

– Неужели ты настолько уверена была, что этот кусок нам достанется?

– Если изначально думать о неудаче, то неудача и случится. А удаchi достаются уверенным в себе.

– Ого! – сказал я. – Да тут у нас целая философия!

Она снова улыбнулась:

– Это не моя философия. Почитай Наполеона Хилла. Или Наталью Правдину. Или Алессандро Кардани.

Имена, честно говоря, мне были неизвестны. Но не особенно и заинтересовали. А если честно, так я и забыл о них, едва услышав.

– Слушай, жрать хочется! Деньги появились. Пойдем-ка покурим-ка! А смысле – перекусим-ка!

– Сейчас! – Катя кивнула. – Только карандаш заточу... Ай! – Она уронила скальпель и сунула в рот указательный палец левой руки. – Черт, палец порезала!

Я поймал за рукоятку падающий скальпель и положил медицинскую железяку на стол.

– А что мешает пользоваться точилкой, душа моя?

– Браво! – оценила Катя мою реакцию.

Я немедленно задрал нос. Похоже, некоторые профессиональные навыки Арчи Гудвина по-прежнему были со мной. Попробовали бы те, кто ходит в тир, вот так, без труда, поймать острый резак.

– Не жнаю, – продолжала Катя. – С детштва шкальпелем точу. – Она пожала плечами. – Папа научил.

Папа у нее был хирургом. Я его знал со школьных времен. Правда, с некоторых пор мы общаться перестали. Недолюбливал покойный Евгений Петрович Савицкий своего зятя. Да и теща не жаловала. И, прямо скажем, было за что.

Кстати, скончалась Ирина Владимировна совсем недавно, зимой, сразу после Катиного выкидыша – не выдержало сердце от боли за дочь. Ведь только о будущем внуке и говорила, только на него и молилась...

Катя вытащила палец изо рта. Ранка мгновенно налилась кровью.

– Блин! – сказала Катя. – С утра непруха. Зеркальце разбила, когда на кухне красилась. Тебе мешать не хотела, ты так сладко спал! А теперь вот еще и палец раскроила.

Я взял ее ладонь и поцеловал ранку. Потом открыл висящую на стене аптечку и достал пузырек с биокolloидом и тампон.

Через пару мгновений обработанный порез уже не кровоточил.

– Хотя сегодня грех на судьбу жаловаться! – воскликнула Катя. – Если бы всякий раз мы получали такие авансы, я бы только и делала, что зеркальца разбивала да пальцы резала!

– Не надо, – серьезно сказал я. – Пошли лучше потратим часть аванса на полновесный обед.

– Хорошо, Вадик, – ответила она. И поправилась: – Хорошо, Макс!

Она называла меня первым именем все реже и реже, но иногда еще забывалась. Однако я ее не корил.

– Ты знаешь, Вовчику наш клиент не понравился.

– Мне – тоже. Но нам ведь с ним детей не крестить... – Она осеклась и встала из-за стола.

Я подошел и обнял ее. И мы постояли так, молча, слушая стук наших сердец.

– Ладно, пойдем, – сказала наконец Катя. – Хотя стоит ли уходить обоим? Вдруг еще клиенты появятся...

– Мура! – оборвал я ее. – Другие клиенты нам сейчас противопоказаны. Такие авансы надо отрабатывать серьезно, так что у нас вряд ли будет время на других клиентов.

Мы заперли офис, предупредили Вовца, что вернемся максимум через час, и двинулись к лифту.

5

Кафе, в котором мы время от времени обедали и куда направились и сейчас, находилось прямо в Вавилонской башне, на первом этаже. Конечно, свиных ребрышек по Фрицу Бреннеру нам не подали. Подали, правда, все-таки свинину – эскалоп в соусе «Краснодарский» со шляпками маринованных белых грибов, – но Ниро Вульф бы она вряд ли приглянулась. Однако Катя об этом не догадывалась, а я поставил себе задачу не вспоминать, и успешно справился с этой задачей, и мы уписывали эскалоп за обе щеки да так, что за ушами трещало. Зато главное было по Стату – о делах мы не разговаривали. Я только сказал, что наконец-то загрузил своего сетевого агента серьезной работой. Катя в очередной раз высказала мнение, что программа достаточно хороша, начальные установки при инсталляции произведены грамотно, и Поль наверняка окажется на высоте.

– Или ты не веришь, что я способна инсталлировать программу? – закончила она.

– Верю, – сказал я. – Твоими бы устами да мед пить.

– Мед пить будет Поль, – поправила меня Катя. – Вот увидишь.

Время увидеть пришло быстро – как только мы вернулись в офис. Едва я вошел в кабинет и сел за стол, видеомаска сетевого агента возникла перед столом.

– Задание выполнено, – доложил Поль. – Обнаруженная информационная база скопирована и систематизирована. Анализ связей произведен.

– Давай результаты, – сказал я.

Голова Поля трансформировалась в триконку дисплея, потом изображение видеомаски возникло в левом верхнем углу триконки.

– Высшие руководящие органы компании «Бешанзерсофт» насчитывают тридцать два человека. В совете директоров семь человек. Один кооптирован в совет третьего июня, другой – неделю назад. На смену господам Петру Бердникову и Василию Зернянскому, погибшим в результате несчастного случая.

На триконке возник перечень фамилий:

Петр Сергеевич Бердников

Василий Константинович Зернянский

Михаил Ефремович Громадин

Георгий Георгиевич Карачаров

Полина Ильинична Шантолосова

Анита Гербертовна Зернянская

Антон Иванович Константинов

Владимир Андреевич Брызгунов (кооптирован вместо П. С. Бердникова)

Константин Юрьевич Ромодановский (кооптирован вместо В. К.

Зернянского).

– Каков характер несчастных случаев? – спросил я.

– По данным дознавательской службы инспекции дорожного движения – в обоих случаях автомобильная авария. Превышение скорости вождения транспортного средства, приведшее к вылету с дорожного полотна на левом повороте. Следствие вылета – удар, возгорание и взрыв. Вины посторонних лиц не установлено. Зафиксировано несанкционированное вмешательство в работу систем безопасности автомобилей, инициированное самими пострадавшими.

– Ни хрена себе струна!

– Не понял вас...

– Что понимается под несанкционированным вмешательством в работу систем безопасности?

Впрочем, я уже и сам догадывался, что там случилось. И сетевой агент лишь подтвердил мою догадку.

– Вывод дознавателей инспекции дорожного движения – владельцы эксплуатировали транспортные средства с неработающими подушками безопасности.

Да, подобное происходит сплошь и рядом. Люди катаются по городу не пристегнувшись, а подушки безопасности просят отключить. Да еще и деньги за это платят, поскольку официально такую операцию ни одна автомастерская не производит. Причины водительских желаний понятны – адреналинчик в кровь, чувство опасности, непреодолимое желание рисковать... Кто сидел за рулем, прекрасно знает, как хочется порой забыть про осторожность и какое удовольствие получаешь, выбравшись из неожиданной аварийной ситуации. Возбужденный мозг воспринимает такие поступки почти как подвиг. Объехав пробку по встречной полосе, находчивый водила смотрит на дисциплинированных собратьев, как на стадо баранов.

– Других жертв в авариях не было?

– Не зафиксировано, – доложил Поль. – Погибшие находились в машинах в одиночестве. Обе аварии произошли в ночное время, на загородных дорогах, когда движения почти нет. Помощь приходила уже после наступления смерти.

Ну что ж, тут зацепиться пока не за что. Надо полагать, мой сетевой агент пользуется информацией, которую инспекция дорожного движения помещает в открытый (за определенную плату, разумеется) сетевой доступ. Тем не менее я спросил Поля:

– Известно ли, куда ехали погибшие?

– В обоих случаях погибшие ехали из города. Географические цели поездок остались неустановленными.

– Почему?

– Поскольку вины посторонних лиц в авариях не зафиксировано, уголовное дело не возбуждалось и расследование не проводилось.

Это и ежу понятно. Если человек разбился по собственной неосторожности, виноватых не ищут. Что ж, зайдем тогда с другой стороны...

Я принялся изучать представленный Полем список.

Итак, совет директоров компании насчитывает семь человек. Счастливое число, едрит-ангидрит!.. Смотрим на состав... Пять мужиков, две женщины... В любом детективном романе преступницей автор непременно сделал бы одну из дам. Исходя из психологических ожиданий среднестатистического читателя. Мужчина-преступник – это банальщина, это серо, это не катит. А вот дамочка, втыкающая ножичек в затылок или подсыпаящая яд в утренний кофе! Правда, нет такого ножичка или яда, которые могли бы сбросить с дороги «мерседес»... Какого черта от меня хочет этот Константинов! Что я ему, чудотворец? Отвожу порчу, снимаю сглаз, возвращаю мужа, нахожу недоброжелателя, гы-гы?.. Гы-гы – это не услуга чудотворца, это эмоциональное восприятие ситуации, далекое от веселья...

Нет, парни, единственное чудо, которое я могу сотворить, это отказаться от предложенного дела. Потому что дальше будут уже не чудеса, а закономерная цепочка неизбежно сменяющих друг друга событий. Самая натуральная ситуационная воронка – неоплаченные счета, процедура банкротства, продажа оборудования и мебели с молотка... А оборудование в «Макмезе» приличное, Катя, как я уже говорил, всегда считала, что на дело нельзя скупиться, что все взаимосвязано, что как ты к делу относишься, так и оно к тебе, что удача приходит только к тем, кто считает себя удачливым. А я считаю себя удачливым, ого-го как считаю! В противном случае мои косточки уже гнили бы на кладбище... Вот и с этим делом я должен... да просто обязан справиться, иначе слово «удачливый» по отношению ко мне станет насмешкой и издевательством. Так что думай, братец, думай, ворочай мозгами!

И я принялся ворочать мозгами.

Итак, у нас присутствуют две дамы. То есть в совете директоров присутствуют... Дамы, как известно, делятся на дам, не дам и дам, но не вам... Это не анекдот, это характеристика связей между мужчиной и женщиной. К слову, в списке присутствуют Зернянская и Зернянский...

– Поль, существуют ли между членами совета директоров родственные отношения?

– Существовали, – доложил сетевой агент. – Полина Шантолосова – вдова погибшего Петра Бердникова. Анита Зернянская – вдова погибшего Василия Зернянского. Других родственных связей нет.

– А кто создал компанию?

– Петр Бердников, Василий Зернянский и Полина Шантолосова.

«Так, – подумал я. – Намечаем версию в качестве полного бреда... У Полины и Зернянского любовные шашни за спиной Бердникова. Зернянский убивает Бердникова, чтобы жениться на Полине, и, возможно даже, убивает по ее же наущению. А потом Полина убивает Зернянского, и вся компания достается ей. Кстати, а программа СА не названа ли в честь дамочки? Муженек, к примеру, назвал. Или любовник. Кто из них там в разработчиках?»

Я полез в список совета директоров и обнаружил, что руководителем отдела новых разработок является как раз сама Полина Шантолосова.

Ага, значит, в собственную честь назвала. Значит, честолюбива. Значит, способна на поступки. В том числе – и на преступление. Вот только каким образом она могла столкнуться с дороги машину да так, чтобы устроить из обломков костер?... Тем не менее, эта версия – ничем не хуже других. Ладно, возьмем на заметку, проверим. Кстати, а почему Полина не Бердникова?

– Поль, а есть ли в Сети сведения, почему госпожа Шантолосова не сменила фамилию?

– Не понял вопроса.

Ох, едрит-ангидрит, этому сетевому агенту еще учиться, учиться и учиться!..

Пришлось объяснить, что в нашем обществе при выходе замуж принято менять девичью фамилию на фамилию мужа. Я думал, теперь он спросит – что такое девичья фамилия, но он только сказал:

– Информация отсутствует.

– Информация отсутствует, – автоматически повторил я. – Информация отсутствует...

Так, ладно... Ну а что у нас с мотивами? Для начала хотя бы с тем, что лежит на поверхности, – с корыстью.

– Кто выиграл материально от гибели Бердникова и Зернянского?

– Весь совет директоров, – доложил Поль. – Акции Бердникова переходят к Полине Шантолосовой. Акции Зернянского переходят к Аните Зернянской. Все прочие члены совета передвигаются по служебной лестнице с повышением окладов.

– А кто у нас Анита Зернянская? Я имею в виду должность.

– Сотрудник центральной бухгалтерии.

Вот тебе, голубок, другая версия и еще одна подозреваемая. Анита и Полина сговорились и наняли кого-нибудь, дабы тот (та) угрохал (угрохала) благоверных. Скажете, я слишком легко включаю людей в число подозреваемых? Да, легко. Потому что есть формула: всякий, кто получает от смерти человека какую-либо выгоду, должен рассматриваться при расследовании как подозреваемый. Это вам любой сыщик скажет. А Арчи Гудвин – сыщик не из последних. Да и у Макса Мезенцева мозгов хватает, чтобы оценить справедливость формулы. Как говорили великие умы прошлого, ищи – кому выгодно. Ищи – и обрящешь. Правда, кроме «кому выгодно», надо еще найти «кто имел возможность». А имели возможность в данном случае только сами погибшие. Иначе кто-то должен был сидеть рядом, в нужный момент крутануть руль, остаться в живых при ударе о дерево и испариться из салона до начала пожара...

Есть, правда, еще один вариант. Вроде бы уже разработаны компьютерные системы безопасности, которые ликвидируют ошибки водителя. То есть, если ты повернул руль так, что машину снесет с дороги, они ликвидируют опасность необходимым маневром. Но компьютер всегда можно перепрограммировать. Ну и вместо того, чтобы спасти водителя, компьютер его угробит. Правда, я очень сомневаюсь, чтобы люди, отключающие подушку безопасности, оборудовали свою машину подобной системой...

Я наградил Поля новой задачей и через некоторое время выяснил, что модели, на которых раскатывали по Питеру и его окрестностям господ П. Бердников и В. Зернянский, столь сложными системами безопасности оборудованы не были.

Потом я поломал головушку еще – пока не понял, что сколько ее ни ломай, все пришедшее на ум будет из пальца высосано и вилами на воде писано. Короче говоря, надо заниматься конкретными действиями. Короче говоря, надо собирать оперативную информацию. Короче говоря, надо ехать в этот самый «Бешанзерсофт» и разбираться с подозреваемыми на месте. Ниро Вульф бы, конечно, сконструировал такую ситуацию, чтобы они все сами к нему заявились. Но я – не Ниро, я вешу не одну седьмую тонны, а всего восемьдесят пять кило, я вполне могу выйти из офиса, сесть в машину и отправиться... кстати, куда?.. Ага, проспект Авиаконструкторов, это у нас вроде бы Озеро Долгое. Черт возьми, как только не называют люди районы родного города! Вот, скажем, Щемиловка. Наверное, там у кого-то что-то когда-то чем-то защемило, гы-гы. Существует и такое глупое объяснение, гы-гы. С Озером Долгим-то, кстати, все ясно. Так же как и с Комендантским Аэродромом – на его месте в прошлом веке и вправду находился аэродром, а там наверняка был какой-нибудь комендант...

Глаз зацепился за последнюю фамилию в списке. Ого, Ромодановский...

– Этот Ромодановский – не потомок князей Ромодановских?

– На его странице написано, что потомок, – ответил Поль. – Проверить?

– Да нет, расследованию это не поможет. А впрочем, ладно, проверь. И просчитай вероятность возможных мотивов.

Видеомаска посерела и растворилась в воздухе. А я принялся знакомиться с лицами руководителей «Бешанзерсофта». Нет, я вовсе не адепт учения Чезаре Ломброзо. Просто лица помогают мне настраиваться на дело. Лица были как лица. Впрочем, обнаружил я не всех. Крупного фото Аниты Зернянской в Сети не нашлось. Так бывает, когда человек не желает, чтобы его снимки там имелись. Но такое нежелание вовсе не означает, что этот человек – преступник. Просто собственная внешность ему не нравится.

– Значит, госпожа Зернянская себе не нравится, – сказал я вслух, встал и вышел из кабинета.

– Ну и как Поль? – спросила Катя.

– Поль насыпал в кашу соль, – пошутил я. Но потом признал: – Напился он меду, напился.

– А я что говорила!

Поль был Катиной гордостью, она в него верила как в судьбу. И очень расстраивалась, что у нас не получается загружать его на всю катушку, что при слежке за неверными супругами не нужна вся глубина способностей сетевого агента.

– Поль напился меду, – повторил я. – В результате я отправляюсь в компанию «Бешанзерсофт», разбираться на месте. А ты не режь больше пальчики!

– Не буду. – Катя встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку. – Возьми денег. – Она встала и подошла к сейфу.

– Деньги – двигатель расследования, – сказал я.

Катя набрала код, и дверь распахнулась.

– Сколько возьмешь?

– А черт его знает! Дело незнакомое, расходы непредсказуемы.

Катя вытащила из сейфа пачку банкнот, поделила на две неравные части и меньшую протянула мне. Большую отправила назад, а взамен достала кобуру с «Бекасом». Эта отечественная лазерная пушка системы «стерлинг» была моим личным официально разрешенным оружием. Микрочип «Бекаса» дважды в месяц через спутниковую сеть сбрасывает информацию о боевом применении оружия оперативным компьютерам МВД, так что любой выстрел никогда не остается незамеченным и требует немедленного отчета перед местными органами того же МВД, выдающими лицензии частным детективам. Иначе лицензии можно запросто лишиться. Именно поэтому всякий человек, которому невозможно жить без активного применения оружия, предпочитает «етоева» с черного рынка. Есть обычный огнестрел и у меня, но я был бы полным идиотом, если бы хранил его в офисе или дома.

Я спрятал деньги во внутренний карман пиджака, а кобуру пристроил под левую мышку. Привычно глянул в висящее на стене зеркало. На меня смотрело мужественное лицо Арчи Гудвина. Не хватало только шляпы.

– Шикарно выглядишь, – сказала Катя, достала из шкафа щетку и сняла с меня невидимые пылинки. – Кстати, деньги к деньгам. Только что пришло перечисление за одно из предыдущих дел.

Я хотел спросить – за которое. Но не стал: прошлые дела меня уже совершенно не интересовали. Впредь мне не придется заниматься сбором компромата на неверных супругов. Я был в этом уверен, как в собственном умении стрелять.

6

Компания «Бешанзерсофт» занимала высоченное сооружение из стекла, пластика и бетона рядом с перекрестком проспекта Авиаконструкторов и Глухарской улицы. Похоже на нашу Вавилонскую башню, но гораздо уже и выше, этажей пятьдесят. Изящное здание – глядя на него, так и хотелось замереть в восторге или вытянуть руки по швам...

Я однако не стал вытягивать руки по швам – я засунул их в карманы. Считайте, таким образом я восторгаюсь, даже если это больше похоже на независимость. И вообще, с какой стати я должен проявлять восторг перед внешними проявлениями богатства? Глядя на мой костюм, тоже можно решить, что перед вами успешный бизнесмен, занимающийся делом, полезным для миллионов людей...

Солидность присутствовала и внутри здания. Холл перегораживала прозрачная стена из какого-то пластика – наверняка бронированного, который можно пробить только из подствольного гранатомета. С внешней стороны были расставлены вдоль стены диванчики и низкие столики с журналами, чтобы посетителям было чем занимать себя в ожидании. Прямо по центру холла прятался за прозрачной стеной пульт, за которым сидел охранник, перед ним в стене имелся проход, оборудованный аркой металлоискателя. Возле арки находились еще два охранника. Справа пластик упирался в колонну, внутри которой явно находился лифт – переднюю стенку колонны украшали створки из никелированного металла. Слева было окошко, за которым сидела милая девушка. Над окошком сияла вывеска «Бюро пропусков». По всей видимости, сначала мне надо было туда.

Так оно и оказалось. Мы с милой девушкой улыбнулись друг другу и сердечно поздоровались, потом, глянув в мои документы и на дисплей компьютера, она выразила готовность снабдить меня магнитной картой-пропуском.

Отлично, Константинов выполнил свое обещание без напоминаний. Что ж, это ему зачтется, не из тех дяденька, кто просиял улыбкой, посулил конфетку и тут же из головы тебя выкинул...

– Господин Мезенцев, с кем из нашего персонала вы намерены встретиться? – спросила девушка.

Поскольку я собирался маскироваться под сыщика, работающего на страховую компанию, у меня не было другого начала, кроме разговора со вдовами погибших председателей. Однако в последний момент я решил, что начать стоит с председателя нынешнего, господина Громадина Михаила Ефремовича – иначе бы я нарушил законы корпоративной этики. Вот к нему я и попросил меня направить.

Милая девушка тут же выдала магнитную карточку и нечто вроде маршрутного листа, на котором были указаны этаж, на который мне следовало подняться и номера дверей, через которые надо было пройти, чтобы оказаться в подразделении с названием «Администрация». Система удобная и для посетителя и для фирмы – человек никуда свободно не попадет, кроме того отдела, куда направляется. Все остальные дороги будут закрыты едва ли не бронированными дверями. Когда наше детективное агентство разрастется, я устрою такую же систему.

Шутка!..

Я раскланялся с девушкой и направился к охранникам, продолжая осмотр холла. За стеклянной стеной метрах в пятнадцати позади пульта располагались две толстенных прямоугольных колонны. Передняя стена левой была усеяна маленькими дверцами – видимо, камера хранения, – в правой располагались две ниши. Видимо, тоже лифты.

Охранники были строги, внимательны и любезны. Первым делом спросили, нет ли у меня оружия. Я предъявил им «бекас». Меня тут же сопроводили к ячейкам камеры хранения (металлоискатель вякнул) и настоятельно попросили оставить оружие там, под защитой кодо-

вого замка. Что я, разумеется, и сделал. Честно говоря, «бекас» в данном случае не стоило бы и брать с собой, но после событий прошлого года я на работе вообще не хожу безоружным. Жизнь научила... Потом меня еще раз пропустили через металлоискатель – на этот раз без вяканья. И наконец, рассыпавшись в извинениях, обыскали.

Все это было сделано быстро и профессионально – служба безопасности выглядела не менее солидной, чем интерьер.

– Лифты для посетителей и обычного персонала вон там. – Один из охранников указал мне в сторону правой колонны. – Любой из двух.

Я подмигнул ему:

– А что, есть еще лифт для руководства?

– Разумеется. – Лицо охранника осталось строгим и внимательным. – Но вы им воспользоваться не сможете.

Судя по всему, лифт для руководства и находился справа от стеклянной стены, но спрашивать я, разумеется, не стал.

Едва я подошел к лифтам, створки одного из них открылись. Кабина могла вместить человек двадцать, но дизайн был прост – никелированная сталь, металлопластик и зеркала. Закрытые объемы подобного обустройства кажутся бесконечными – наверное, в целях борьбы с клаустрофобией. С другой стороны, когда едешь в такой кабине один, ощущаешь себя давидом в желудке голиафа, к тому же со всех сторон на тебя смотрят сотни твоих двойников.

Неужели таким образом настраивают работников на ощущение винтика в большом механизме и корпоративную солидарность? Жаль, нет у меня знакомого психолога, непременно бы поинтересовался у него. А интересно, кстати, в лифте для руководства такой же дизайн?

Сверившись с «маршрутным листом», я нажал кнопку сорок восьмого этажа.

Кабина плавно двинулась, на пульте управления замелькали числа. Потом не менее плавно движение прекратилось и звякнул сигнал-колокольчик, но на пульте горело не «48», а «25». Впрочем, причина остановки стала ясна сразу. Створки распахнулись, в кабину вошла блондинистая девушка лет восемнадцати, в белой блузке с черным галстуком и короткой черной юбке, не менее милая, чем та, из бюро пропусков, и нажала кнопку нужного этажа. В правой руке она держала магнитную карточку, а в левой – стопку конвертов различной толщины.

– Здравствуйте! – сказал я.

Мы едва успели улыбнуться друг другу, я едва успел оценить высоту ее бюста, тонкость талии и округлость бедер, как кабина снова остановилась и девушка вышла.

Дьявол бы забрал эти суперсовременные скоростные лифты с магнитным приводом! Кабы тут была та машина, какими оборудовались дома в годы моего детства, я бы непременно познакомился с симпатичной блондинкой...

Долго возмущаться мне не пришлось – несколько секунд, и на пульте загорелось заказанное «48», мелодично звякнул колокольчик, и створки разошлись. Сотни Максов Мезенцевых вокруг шагнули к проему, и я оказался в холле гораздо меньших размеров, чем на первом этаже, и двинулся дальше, по-прежнему руководствуясь «маршрутным листом» и сверяясь с номерами дверей. Дорога оказалась короткой, потому что дверей пришлось пройти всего ничего – уже вторая была в приемную председателя совета директоров.

Я ожидал увидеть очередную милую девушку, однако здесь сидела за столом вовсе не девушка, но мегера лет пятидесяти, бросившая на меня хищный подозрительный взгляд – не собрался ли я укокошить и этого ее шефа? Впрочем, одета она была тоже в белую блузку с черным галстуком и черную юбку, однако в этом одеянии поместились бы и девушка из бюро пропусков и девушка из лифта, вместе взятые. В общем, секретарша у председателя была столь же солидна, как и вся компания.

– Здравствуйте! – сказал я таким тоном, словно собирался одарить ее шефа халявными деньгами. – У меня дело к вашему председателю.

– Здравствуйте! – ответила секретарша таким тоном, словно собиралась выкинуть из приемной и мои халявные деньги, и меня вслед за ними. – Шустрый мальчик... А что у вас за дело к нашему председателю?

Разумеется, она была права в своих сомнениях. И я, предъявив визитку, сообщил, кто я, что я и зачем.

Мегера сразу оттаяла, но только для того, чтобы сообщить мне, что Михаила Ефремовича на месте нет и сегодня не будет, поскольку Михаил Ефремович находится на деловых переговорах с партнерами, но если я приду завтра к десяти часам, то она непременно сделает все, чтобы я попал к Михаилу Ефремовичу и смог с ним побеседовать по всем интересующим меня вопросам. А с другой стороны, – тут секретарша окончательно сменила гнев на милость, – она здесь для того и сидит, чтобы решать за Михаила Ефремовича возникающие проблемы, которые способна решить, и не стоит ли задать интересующие меня вопросы именно ей? А вдруг?..

Я прекрасно знаю, что в нашей стране руководители всех рангов больше любят у подчиненных беззаветную преданность, чем толковый профессионализм. Тем не менее, вряд ли здесь новый председатель быстро поменял секретаршу старого...

– Простите, как ваши имя и отчество? – спросил я с блистательной улыбкой.

– Елена Владимировна. А фамилия – Пименова.

– Видите ли в чем дело, уважаемая Елена Владимировна, – сказал я. – Моя страховая кампания, как и положено в случае, когда гибнет застрахованный клиент, должна иметь сто-процентную уверенность, что это не был суицид. А то, знаете ли, бывает, когда клиент своей смертью пытается решить стоящие перед его семьей финансовые проблемы.

Она кивнула.

– Вы ведь не новичок и были в секретарях у обоих погибших, верно? – продолжал я.

– Разумеется, молодой человек. В компании «Бешанзерсофт» не принято бросаться сотрудниками. К тому же, ни у кого из руководителей никогда не возникало претензий к моей работе.

– Я так и думал... Тогда вы наверняка сможете помочь мне.

Компьютер у нее на столе пискнул, она тут же обратила все свое внимание на дисплей, и я получил возможность осмотреть приемную.

Все тут было, что называется, простенько, но со вкусом – ничего похожего на навязчивую роскошь, которую так любят в фирмах с сомнительной репутацией. Судя по здешнему интерьеру (сплошной металлопластик серых тонов), репутация «Бешанзерсофта» была железобетонной, и компании не требовалось пудрить клиентам мозги претензией на финансовую состоятельность. Впрочем, чему тут особенно удивляться? Новые компьютерные технологии – это вам не баран начихал, это устойчивый спрос, это постоянное расширение рынка, это новые рабочие места. Но это и возможность столкновения интересов с конкурентами, а стало быть и реальность промышленного шпионажа и заказных убийств... Таков наш мир! Впрочем, в последнем случае у меня нет никаких шансов. Заказное убийство – как правило глухарь – что для государственных органов правопорядка, что для частного сыска... Радует одно – если бы не было вариантов местной, внутренней разборки, то Антон Иванович Константинов не явился бы ко мне с желанием выложить кругленькую сумму за мои труды...

– Так я вас слушаю, господин Мезенцев! – Елена Владимировна уже справилась со своим срочным секретарским делом и, перестав терзать сенсорную клавишу, с приветливой улыбкой изучала мою мужественную физиономию.

Я оторвался от размышлений:

– Отлично... Начнем с господина Бердникова. Не был ли он перед своей гибелью чем-то озабочен, расстроен?

Елена Владимировна пожала покатыми плечами, и движение это оказалось неожиданно изящным – будто птица крыльями взмахнула.

– Озабочен Петр Сергееч был всегда. Руководить такой фирмой – не семечки шелкать и не в носу ковырять. Однако это были обычные, повседневные заботы. В общем, рутина и ничего особенного. Наша компания – весьма процветающее предприятие. Финансовых проблем у наших работников нет. Конечно, можно и при любых доходах оказаться в яме. – Елена Владимировна лукаво улыбнулась. – Но у Петра Сергееча такого произойти просто не могло, не тот он человек. Даже не припоминаю, чтобы он когда-либо совершил импульсивный поступок, все всегда продумывалось, просчитывалось, анализировалось. Собственно, будь он другим – не стал бы создателем фирмы, работающей в столь серьезном бизнесе...

– А на личном фронте?

Реакция была ярко выраженной. Приветливость немедленно обернулась настороженностью, улыбка – серьезной миной.

– Об этом надо спрашивать не меня. Какие бы анекдоты ни ходили о секретаршах, я любовницей Петра Сергееча не была. Ему нравились персоны несколько иного экстерьера. – Последнее слово Елена Владимировна произнесла с некоторой долей сарказма.

Тем не менее я сразу сообразил, что за сарказм этот ухватиться не удастся, поскольку было непонятно, что она имела в виду.

– А кому вообще была выгодна смерть Бердникова?

Секретарша усмехнулась:

– Любому из административной верхушки «Бешанзерсофта». Даже мне, поскольку в завещании Бердникова упомянуто и мое имя.

Нет, у здешних директоров была очень умная помощница. Никаких «Да на что вы намекаете!» или «Не знаю я, сударь, ничего такого!»...

– Хорошо, – сказал я. – А как обстоит дело с Зернянским? Тот мог покончить жизнь самоубийством?

Елена Владимировна подумала несколько секунд:

– Василий Константинович был иной человек. Не было у него той предусмотрительности и расчетливости, что у Петра Сергееча, зато он был намного жизнерадостнее и оптимистичнее. Я бы скорее поверила в самоубийство Бердникова, чем Зернянского.

– Смерть последнего тоже была выгодна всем?

– Да, разумеется.

– А кому больше всего?

Она пожала плечами:

– Следующим в корпоративной иерархии идет нынешний председатель совета, Михаил Ефремыч Громадин. А что касается акций, принадлежавших погибшим, то они, естественно, большей частью должны достаться их вдовам. Как положено по закону, через шесть месяцев после смерти завещателя.

Мелодично звякнул колокольчик, дверь в приемную открылась. На пороге возникла та самая блондинистая девица, которую я видел в лифте, – при груди, талии и бедрах, с магнитной карточкой и конвертами в руках.

– Елена Владимировна, почта.

– Да, Марьяна. Клади на стол.

Марьяна тряхнула светлой гривой, подошла – цок, цок, цок... – к столу, стрельнула в меня озорными глазками. Над левой грудью блузку украшал бэджик, которого в лифте у нее не было. Я пригляделся и прочел: «Марьяна Ванжа, менеджер».

В иных фирмах все кругом менеджеры, вплоть до последней уборщицы. Не знаю, как тут у них, в «Бешанзерсофте», но эта девушка, судя по конвертам, – просто-напросто курьер...

Марьяна нагнулась над столом (чтобы положить конверты, такое сложное движение совсем не требовалось), и черная юбка обтянула круглый зад. Я сообразил сделать свою мужественную физиономию сверхмужественной, и не зря: девушка на этот раз не просто стрельнула

глазками – она определенно оценила мою сверхмужественность, и последняя ей определенно приглянулась. Определенно! Или в моей самооценке нет ничего от Арчи Гудвина...

– Ступай, Марьяна! – сказала Елена Владимировна, неодобрительно глядя на девичьи экзерсисы.

Марьяна пошла – цок, цок, цок... – к двери, покачивая бедрами. Елена Владимировна фыркнула, и я подумал, что в следующий визит Марьяне обязательно достанется на орехи: начальствующие мегеры бальзаковского возраста чрезвычайно любят повоспитывать подчиненных молодых девушек. Даже те, кто сам раздвигает ноги перед первыми встречными штанами через пять минут после знакомства...

– Продолжим, шустрый мальчик?

Я неслышно проглотил слюну, вспомнил о проводимом расследовании и повернулся к Елене Владимировне:

– Да, конечно... Продолжим... – С трудом, но мне наконец удалось вспомнить и о последних наших фразах перед приходом Марьяны. – Вы сказали, акции убитых... погибших достаются вдовам.

Я недовольно поморщился: вы бессмертны, господин Зигмунд Фрейд! Во всех смыслах происходящего...

Умница Елена Владимировна в ответ на мою оговорку позволила себе лишь легкую усмешку:

– Да. И это, по-моему, вполне естественно. По крайней мере, нарушением закона не является. Как и предметом внимания страховых кампаний...

Мне явно давали понять, что видят меня насквозь.

– Тем не менее представителю страховой компании не мешало бы поговорить со вдовами.

– Да-да, разумеется. До восемнадцати часов вы вольны разговаривать с кем угодно.

– Почему до восемнадцати?

– Потому что в восемнадцать заканчивается рабочий день. – Елена Владимировна повернулась к компьютеру, который, как и в любой приличной фирме, был еще и интеркомом.

Пальцы секретарши пропорхали по клавише, как бабочки – легко, стремительно, нигде не споткнувшись.

– Слушаю вас, Елена Владимировна, – раздался женский голос.

Именно ЖЕНСКИЙ во всех смыслах – не хриловатый, не басовитый, а высокий, тонкий, певучий, этакое колоратурное сопрано...

– Полина Ильинична! У меня тут представитель страховой компании... – секретарша вновь глянула в мою визитку, – «Русь». У него есть вопросы, касающиеся страховки Петра Сергеича. Может он поговорить с вами?

– Э-э... – сказала Полина Шантолосова и, судя по полетевшим из компьютера невнятным звукам, пригласила микрофон. Потом вновь раздалось звучное сопрано: – Через пять минут у меня заканчивается совещание, пусть приходит.

– Слышали? Давайте ваш пропуск! – Елена Владимировна взяла у меня магнитную карту, сунула ее куда-то в недра секретарского компа и вновь пробежалась пальцами по клавише.

Через три секунды карточка вернулась ко мне, а вслед за нею явился новый «маршрутный лист».

– Спуститесь двумя этажами ниже. Когда поговорите с Шантолосовой, вернетесь ко мне. Помогу вам встретиться с Зернянской.

– Секундочку... А почему у Шантолосовой и Бердникова разные фамилии?

Елена Владимировна смерила меня с ног до головы:

– Потому, шустрый мальчик, что Полина Ильинична Шантолосова была достаточно известной личностью среди программистов еще до замужества. Ей незачем было прятаться за спину молодого супруга... А теперь ступайте!

Взгляд и тон секретарши был мне совершенно непонятен, но я сообразил, что разобратся с этим – по крайней мере сейчас – будет невозможно. И потому пошел прочь.

7

Кабинет госпожи Шантолосовой располагался на сорок пятом этаже.

Когда я, соотносясь с указаниями «маршрутного листа», ввалился туда, хозяйка уже разогнала своих совещающихся и пребывала в одиночестве. И в полумраке.

Я почему-то ожидал увидеть длиннющий стол, на котором лежат друг на друге многочисленные рулоны чертежей – как в фильмах про социалистических инженеров прошлого века, – но ничего подобного тут не наблюдалось. Зато на обоих боковых стенах располагались голографические дисплеи – естественно, выключенные.

Я удивился самому себе: с какой стати здесь должны быть бумажные чертежи? Ведь армейские радиостанции РА-101, которыми снабжаются нынешние российские Вооруженные Силы, давно уже не похожи на доисторические заплечные короба. Так почему же здесь, в колыбели новых компьютерных технологий, что-то должно быть, как в прошлом веке? Неисповедимы пути твоей фантазии, человек по имени Максим Мезенцев...

Шторы на огромном – во всю стену – окне за спиной хозяйки поднялись, и кабинет залил солнечный свет. Полина Шантолосова что-то недовольно буркнула, и свет тут же пригас – шторы наполовину затенили окно. Из-за этих люминопертурбаций я не сразу рассмотрел хозяйку кабинета, а когда глаза привыкли – обалдел. Она была похожа и не похожа на сетевые фотки. Похожа, потому что передо мной стояла та же жгучая брюнетка (а женщина сегодня и вчера – это порой совершенно разные картинки. Впрочем, сия дамская удивительность известна даже самым ненаблюдательным мужикам...) с теми же карими глазами. Но вот чего не могла передать фотка, так это энергичности, которая просто истекала с лица Шантолосовой. Мое сердце сделало перебой, а в голову вдруг пришло, что весь «Бешанзерсофт», со всеми его администраторами, инженерами и низшим техническим персоналом, – всего лишь приложение к этой женщине; что без нее он – никто, ничто и звать его никак. Ну, как пятиметровый двигатель транспланетника «Земля – Марс» и двухсотметровый шлейф истекающих из него раскаленных газов... Шлейф, вот именно – шлейф! «Бешанзерсофт» – всего лишь шлейф Полины Шантолосовой... До чего же точное сравнение!

Ее глаза тоже привыкли к свету, она оценила мою реакцию и легонько улыбнулась. Да уж, правы те, кто считает, что нет для женщины лучшего подарка, чем потрясенная ею мужская физиономия...

– День добрый! – Во мне тут же проснулся Арчи Гудвин. – Для меня, простого страхового агента, великая честь – встретиться с...

– Ах, бросьте! – перебила она. – Я разговариваю вовсе не с простым страховым агентом, я разговариваю с человеком, который проводит расследование с целью не допустить, чтобы я получила страховую сумму за моего погибшего супруга.

И эта дама оказалась дьявольски умна! Черт возьми, каковы же были погибшие мужчины, сумевшие собрать вокруг себя таких женщин! Впрочем, разве не встречалось в истории рода человеческого умниц-разумниц, беспричинно пресмыкавшихся перед тупорылыми козлами? Да и кто сказал, что беспричинно! Очень даже причинно. И причина известна – причинное место.

– Тем не менее я готова ответить на ваши вопросы. На любые вопросы. – Колоратурное сопрано сумело каким-то неуловимым образом подчеркнуть особую значимость предпоследнего слова.

– Простите, – сказал я. Светски передернул плечами. И почувствовал себя идиот идиотом. – Простите ради бога! Жаль, но мне придется задавать вопросы, неприятные для вас.

Шантолосова села за стол, отодвинула в сторону клавиатуру, жестом пригласила меня присесть. Я поклонился и угнездился на ближайшем к столу стуле – они были расставлены по кабинету в совершенном беспорядке.

– Вы полагаете, мне подобных никогда не задавали? – В колоратурное сопрано добавилась толика яда, но от этого оно стало еще прекраснее. – Не стесняйтесь, пожалуйста.

– Хорошо, спасибо! Тогда начнем... Как вы считаете, мог ли Петр Сергеевич Бердников покончить жизнь самоубийством?

– Петя?

Эх, братцы, когда твое имя произносит такой голос, не то что самоубийством жизнь не покончишь – из могилы выкопаешься и вприсядку пустишься!

– Петя был чрезвычайно уравновешенный человек. – Шантолосова потерела правой рукой левый рукав голубого комбинезона. – Даже если бы я не знала его близко, я бы и со стороны никогда не подумала, что мужчина такого склада может опуститься до суицида.

Во мне проснулась другая сторона Арчи Гудвина, аналитическая. Опуститься до суицида – такую фразу способен произнести только человек с вполне определенными моральными принципами, и это далеко не худшие принципы из распространенных среди людей. Мда, определенно эта женщина нравилась мне все больше и больше.

– Нет, знаете. Не мог он, не тот он был человек. Да и жизненная ситуация не та.

– Ясно. Ваша компания процветает, деловые проблемы не выходят за пределы обычной рутины. Ну а по иным причинам?... Вы понимаете? Имеются в виду обстоятельства личного характера. – Я отвел глаза и глянул в окно, за которым раскинулись кварталы Долгого Озера и Комендантского Аэродрома.

Полина Шантолосова хрюкнула, и этот звук заставил меня вновь погрузиться в глубину карих глаз. Впрочем, погружаться было не обязательно – даже на поверхности их плавало откровенное недовольство.

– Свинская у вас работа!

– Да. Но я – вовсе не свинья! Тем не менее, если пойму, что вы скрываете какие-то факты, начну копать, расспрашивать других людей.

Она поморщилась:

– У меня есть любовник, но я не собираюсь называть вам его имя.

Я вспомнил, как в таких случаях Ниро Вульф впивался в жертву. Что ж, я хоть и не вешу одну седьмую тонны, но могу не хуже...

– Не назовете вы, назовут другие. Я ведь на вас не остановлюсь. Но эти другие могут вместе с именем рассказать то, чего и не было.

– Свинская у вас работа! – Хозяйка кабинета помотала головой, и черные пряди разлетелись по воздуху. Словно закачало ветвями странное черное дерево.

– А вы относитесь ко мне, как к врачу, – посоветовал я. – Как, скажем, к собственному гинекологу. Я вовсе не собираюсь шантажировать вас тем, о чем узнаю.

В ее глазах полыхнуло пламя, и я понял, что она даже не думала о возможном шантаже. Ее сдерживало что-то другое.

– Послушайте... Послушайте... – Она покусала губы. И вдруг выпалила, будто в омут бросилась: – Мой муж в последнее время мною как женщиной совершенно не интересовался. Ему были нужны только мои идеи в сфере производства. А любовь он искал совсем в другом месте. Ему больше нравилось бывать не дома, а в «Красном кентавре».

Я мысленно присвистнул: «Красный кентавр» – известное местечко. Закрытый клуб, в котором проводят время богатеи голубого толка.

Ни хрена себе струна! Да я же просто на клад на рвался – в смысле информации, разумеется. Тут могут появиться новые и весьма интересные версии!

Но каков прыщ, этот Бердников! Мудила с Нижнего Тагила, по-другому не скажешь! Променять такую женщину на... Тьфу, прости господи! Точно у таких людей в мозгах дьявол покопался...

– Достаточно вам? – Горящие глаза просто прожигали дыру на моем лице, а щеки пылали стыдом и негодованием.

Нет, хотел сказать я. Вы все равно будете должны назвать имя своего любовника. Просто для порядка, чтобы я мог проверить, правду ли вы мне выложили... Я хотел сказать, но не сказал. Потому что после этого мы бы расстались врагами. Потому что я – не мент, мне совсем не обязательно составлять протокол, а клиента не интересует, каким путем я раздобыл информацию и сколько времени на этот процесс потратил. Потому что я могу узнать это и в другой раз.

– Достаточно, – сказал я. И встал.

Многое было ясно. Полина Шантолосова была гениальным программистом и красивой женщиной. Но вряд ли в ее душе царили гармония и счастье. И убить мужа в такой ситуации она вполне могла – из ревности или ненависти. Вот только зачем бы она после этого стала убивать Зернянского?

Тут была информация к размышлению. И любой другой сыщик, мент он или частник, непременно бы нажал, пока дамочка находилась в разобранном психологическом состоянии.

Но я нажимать не собирался. Потому что всю жизнь считал, что по-настоящему мне нравятся исключительно кареглазые блондинки. Но вот оказалось, что и кареглазые брюнетки – это тоже гаси свет!

Я раскланялся и, едва ли не пятась спиной, ретировался.

Взгляд пылающих глаз сопровождал меня до самой двери, и больше всего я боялся, что она снова скажет: «Свинская у вас работа!»

Оказавшись в холле, я с облегчением вздохнул, вытер со лба пот и уже знакомым путем отправился на сорок восьмой этаж, к директорской секретарше.

– Ну как? – спросила Елена Владимировна, производя новые манипуляции с магнитной картой. – Надеюсь, вы не слишком расстроили ее. Полина Шантолосова – это наше всё. Думаю, ее не сможет заменить ни один человек в нашей компании. А может, и во всем мире.

– Я обошелся без жёсткости, – туманно сказал я. – И верю, что ее никто не сможет заменить. «Бешанзерсофт» – всего лишь шлейф Полины Шантолосовой...

– Это вы точно заметили. Именно шлейф. – Секретарша протянула мне карточку и новый «маршрутный лист». – Ступайте, шустрый мальчик. Направо пойдешь – от судьбы не уйдешь, налево пойдешь – неведомое найдешь.

И я пошел – надеясь, что налево.

8

Анита Зернянская ничем не походила ни на Елену Владимировну, ни, тем более, на Полину Шантолосову. Это была полненькая кнопка (про таких говорят – метр с кепкой) в строгом сером костюме (я вдруг обнаружил, что с трудом вспоминаю, во что была одета первая вдова... Ах да, в голубой комбинезон!), шатенка, в очках, с довольно длинной косичкой, перехваченной на конце серебристой резинкой. И голос у нее оказался низкий, с той самой хрипотцой, которую я так не люблю у женщин. И работала она в службе бухгалтерской, а вовсе не инженерной.

Странно, но это мне тоже показалось недостатком, хотя и более соответствовало женской сущности.

Кроме того, мне почему-то взбрело в голову, что рабочее место Зернянской будет в общем зале, разгороженном невысокими стенками на небольшие персональные закутки, но каждому члену совета директоров, видимо, полагался отдельный кабинет. Правда, был он невелик и скромен – никаких экранов на стенах, лишь стандартный комп на столе. Возможно, это было вещественное отображение неких различий между вдовами в корпоративной иерархии, а может, Зернянская попросту не любила обширных помещений.

Как бы то ни было, но я, усевшись на предложенный стул, физически ощутил, как давят на меня близкие стены. По моим внутренним ощущениям, это был не кабинет, а какое-то ущелье...

Разумеется, Анита Гербертовна оказалась предупреждена о предмете моих интересов.

– Послушайте, – сказала она после того, как я представился. – Я вас уверяю, это просто невозможно. Мой Василий не кончал жизнь самоубийством.

У нее присутствовал легкий прибалтийский акцент, но он ее уже не портил. Ибо в моих глазах такие женщины изначально ценятся невысоко, хотя, не спорю, существуют мужики, которых хлебом не корми, а дай потискать такую вот крохотную пампушку-бухгалтершу, мягкую и пухлую во всех мыслимых и немыслимых местах. А с другой стороны, в сравнении с господином Бердниковым господин Зернянский по своим сексуальным предпочтениям мне просто брат родной...

– А почему вы так уверены, мадам?

Кажется, мне не удалось скрыть свою антипатию, потому что в глазах кнопки вспыхнула откровенная неприязнь.

– Да потому что мы с ним прожили почти десять лет, и, смею вас уверить, я прекрасно знаю... знала своего мужа. Да он бы скорее кого-нибудь другого убил, чем себя... – Она осеклась, и круглый накрашенный ротик выпустил на свободу нечто вроде «а-ап!»

Так-так-так, очень многообещающее начало!

– Слушаю вас внимательно, – сказал я.

– Ну... я не имела в виду, что он кого-то убил... – проговорила она поспешно. – Я имею в виду... ну... что он был не такой человек, чтобы... ну... на себя руки наложить...

Да, она и мизинца Полины Шантолосовой не стоила. Глупая пухлая кукла, у которой язык работает вдесятеро быстрее мозга...

– Слушаю вас внимательно, – повторил я, добавив в голос настойчивости.

– Я только хотела сказать, что это непорядочно – подозревать человека в том, что он убивает себя ради денег! – выпалила она.

Тут она была совершенно права. А я, кажется, слишком впечатлился мадам Шантолосовой и повел себя непрофессионально.

И я вернулся на профессиональные рельсы: проникся к собеседнику симпатией и участием. По крайней мере – внешне.

– У нас вовсе нет таких подозрений относительно вашего супруга, госпожа Зернянская. Просто мы обязаны все проверять, иначе наша компания вылетит в трубу. Вы понимаете?

Это она понимала. Неприязнь сменилась настороженностью. А я принялся расширять захваченный плацдарм.

– Вы ведь умная женщина и никак не могли подумать про меня такое. Я вам не враг. Кстати, не было ли врагов у вашего мужа? Вы ведь понимаете меня?

Настороженность стала мягче, бледно-серые глаза заблестели, кроваво-красные губы дрогнули, правая рука коснулась круглого подбородка с ямочкой.

– Я и сама думала... Сразу две почти одинаковые аварии... Тормоза ведь тоже можно испортить, правда?

– Запросто, – поддержал я.

– Правда, менты говорили, что тормоза были в полном порядке, но ведь ментов можно купить, правда?

Я не был ментом. И потому с легкостью согласился:

– Запросто.

Настороженность тут же сменилась откровенной симпатией, и я высоко оценил свой профессионализм. Жаль только, глаза дамочки блестели все больше и больше, и губы дрожали уже беспрерывно, и все шло к тому, что придется доставать из кармана носовой платок, а он после вчерашней нервотрепки в казино был несвежий. Однако судьба спасла меня и тут (какой же я все-таки везунчик!) – слезы высохли, а сквозь симпатию прорвался, как ни банально это звучит, звериный оскал ненависти. Лицо мадам Зернянской перекосилось, накрашенный ротик скривился... Дальше была не человеческая речь, дальше было сплошное змеиное шипение.

– Я знаю, чьих рук тут дело, это все она, черная сука, она знала, что моего Васю под каблук не запихнешь, что он своей головой привык жить, что он ей развернуться не даст, как позволял этот пидор, ее так называемый муженек, самый настоящий голубой, а теперь у нас эта медуза, этот флюгер, который никогда против них не пойдет, но и его они грохнут, чтобы все прибрать к рукам, и если бы у меня были доказательства, я бы давно на них настучала...

Пухлая ручка заткнула фонтан, и он умер. Как подстреленный на взлете ястреб... Глаза теперь наполнились испугом и обидой на собственную несдержанность, но слово уже было не воробей, и всякому бы стало понятно, насколько эта глупая кукла ненавидит ИХ. То что выражение «черная сука» относится к Полине Шантолосовой, было ясно и ежу, а вот кого она еще имела в виду?..

– Вы сказали «они»... Кого вы имеете в виду?

Но умер не только фонтан, умерла и ненависть, оказалась погребенной под толстым слоем страха, и я уже понимал, что внутри чрезвычайно благополучной компании «Бешанзерсофт» скрываются грандиозные бури.

– Я вас прошу... – залепетала мадам Зернянская. – Я вас прошу... Никто не должен знать, что я сейчас сказала... Я вас умоляю! Иначе меня тоже убьют... Понимаете?.. Обещаете?..

Мне стало ее жаль, и я кивнул самым убедительным образом. Хозяйка кабинета откинулась на спинку стула, впиалась взглядом в дисплей компьютера, словно искала у него поддержки.

– А теперь, прошу вас, уходите. Мне через десять минут на совещание, и надо успокоиться.

Я понял, что дальнейшие расспросы бесполезны. Ничего она мне больше не расскажет, даже если и не будет никакого совещания. Просто мне опять повезло – я присутствовал при чем-то, очень похожем на нервный срыв.

Я взялся за ручку двери, когда мне в спину сказали:

– Я очень надеюсь на вашу скромность.

Экое словечко выбрала, глупая курица!..

Я обернулся и, приложив к сердцу правую руку, заверил:

– Обещаю, что не обману ваших надежд!

– Я вам верю, – прозвучало в качестве прощания.

В глазах дамочки теперь светилось едва ли не восхищение – она наконец разглядела во мне Арчи Гудвина, и наверняка ей хотелось продолжить знакомство. Хотя бы для того, чтобы оказаться под защитой у сильного мужчины, если уж ничего больше не выгорит.

– Я вам верю, – повторила она.

А что тебе остается, дурища? – подумал я. Но вслух произнес только:

– И правильно делаете, сударыня.

9

Я стоял в зеркальной кабине лифта, и со всех сторон меня окружали самодовольные от женского внимания, прямо-таки пускающие слюни самцы.

– Эй, – сказал я им. – Пора выходить из образа, парень. Даже Станиславский бы поверил, что уж говорить о глупой кукле?

На сей раз речь шла вовсе не об Аните Зернянской – когда я шел от ее кабинета к лифту, мне вновь встретилась милая девушка-курьер Марьяна, и глаза у нее сделались такими, что в серьезном, деловом детективе просто не мог не проснуться бесшабашный ухарь, на физиономии которого нарисовалось единственное желание – трахнуть и вовсе не по шее. Марьяна, определенно уловившая это желание, даже споткнулась, ухарь бросился поддерживать ее за локоток, и это банальное прикосновение помогло им справиться с дьявольщиной слишком вероятного будущего, где они могли оказаться tkte-a-tkte в каком-нибудь уютном закутке, который наверняка бы нашелся в этом здании.

– Размечтались! – сказал я и своим отражениям, и той, что осталась наверху, в застеленном красной ковровой дорожкой коридоре.

Ответом мне было молчание.

Спустившись на первый этаж, я выручил из тюрьги свой «бекас», попрощался с охранниками, сдал милой девушке из бюро пропусков магнитную карточку – мы снова улыбнулись друг другу – и покинул гостеприимные пенаты «Бешанзерсофта». Идти было недалеко – «забавушка» моя стояла рядом с входом в здание, на стоянке служебных машин. Я угнездилился на сиденье, перевел дыхание, окончательно подавил желание и включил зажигание. (Во фразочка, почти стихи!)

И тут ожил мобильник. Теперь он рассказывал вовсе не о парне с рынка Дезмонде, теперь героиней была девушка по имени Мишель – мелодии мой телефон менял каждые сутки в десять часов утра, а музыкальной базой была фонотека старой доброй ливерпульской четверки.

Я достал из кармана трубку.

Номера, с которого звонили, в памяти мобильного не имелось.

– Слушаю вас, – сказал я, нажав кнопку.

– Здравствуй еще раз, Мезенцев! Антон Константинов беспокоит. Вы уже закончили свои дела в нашем офисе?

– Да, только что. Встретился с кем мог, сел в машину и собираюсь отваливать подобру-поздорову.

– Хорошо, отваливайте. Как выберетесь на Авиаконструкторов, доезжайте до Шуваловского проспекта и поверните направо. Я стою в полусотне метров от перекрестка. Голубой «рено» с номером... – Он произнес три цифры. – Приткнитесь где-нибудь поблизости. Надо поговорить.

– Сейчас подъеду. – Я выключил мобильник.

Поговорить так поговорить, я человек разговорчивый и компанейский. Беседа – это двигатель. Если не жизни, то хотя бы расследования...

Я сунул трубку в карман, выехал на проспект Авиаконструкторов, докатил до нужного перекрестка и свернул куда велели. Припарковался сразу за стоящим возле почтового отделения голубым «рено». Зачем-то сунул руку под пиджак и пощупал рубчатую рукоятку «бекаса». Поморщился – не хватало еще проверить, как оружие выхватывается из кобуры.

Что за нервные выходки?... Похоже, глупая курица заразила меня своей истерикой...

Разумеется, нужды в оружии не было. Константинов находился в «рено» один, сидел за рулем, курил, выпуская дым в приоткрытое боковое окно. В салоне звучала негромкая музыка. Кажется, что-то из «Рекомберс».

Не дожидаясь приглашения, я устроился на правом сиденье и захлопнул дверцу. Стекла, естественно, были тонированные. Такие люди с прозрачными не связываются. Они любят рассказывать тележурналистам о прозрачности своих компаний и счетов в банках, а вот прозрачных стекол стараются избегать. И, в общем-то, правильно делают! Береженого бог бережет...

– Слушаю вас, Антон!

– Ну? – Константинов выкинул окуроч, закрыл окно и повернулся ко мне. – С кем поговорили?

Ага, похоже, клиент у нас нетерпеливый. При нашей первой встрече мне так не показалось.

– С Шантолосовой и Зернянской. Если, конечно, это можно назвать разговором.

– Но ведь что-то они вам сказали?

Я открыл было рот. И вдруг понял, что нет у меня ни малейшего желания рассказывать ему о черноглазке Полине. Ну вот ни на капельку не хочется!

Впрочем, вряд ли от человека, занимающегося в компании охраной и безопасностью, можно скрыть особенности сексуальной ориентации руководителя фирмы. Небось, Антон Иванович еще и охранников Бердникову выделял, когда тот катался в «Красный кентавр».

– Шантолосова сказала, что у нее муж был голубой. И что жизнь самоубийством покончить не мог.

Он кивнул:

– Ну да, разумеется! Вы же, наверное, прикрылись ксивой дознавателя страховой компании.

Я с уважением крикнул: рядом со мной сидел профессионал своего дела. Глава службы безопасности любой фирмы мало чем отличается от частного детектива. Разве лишь тем, что я – сам себе хозяин, а над ним стоит руководство компании. С другой стороны, я один, а у него имеется куча подчиненных, и многие способны не только возле металлоискателя дежурить, но и оперативную работу вести. На хвост садиться, информацию добывать...

– Петр и в самом деле в последнее время по траховскому делу с катушек свинтился, – продолжал Константинов. – Я не раз ему говорил, что такие дела до добра не доводят. Чего надо было мужику? Бабыё вокруг хоробыды водит, и любая даст, только мигни.

Ну вот, теперь еще может возникнуть версия ревнивого гея. Какая-то дала, а ему не понравилось. Возможно? Еще как! Ладно, будем проверять...

Впрочем, Константинов имел в виду совсем другое. Потому что добавил:

– Нет, Полина его не убивала. Она умная и хваткая, но добрая. Нет в ней жестокости. Такие людей не убивают. – В его холодный голос вкралась толика теплоты, и я насторожился.

А может, охранничек неровно дышит к инженерше? Возможно ли такое? Еще как возможно. Я бы не удивился, если бы оказалось, что к Шантолосовой неровно дышат все мужчины «Бешанзерсофта». Это было бы мне очень даже понятно. И я бы с ними запросто солидаризировался.

Если бы не был женат и если бы женой не была моя Катя...

Константинов достал из кармана пачку «Эрмитажа», выдвинул из торпеды пепельницу. Мы закурили. Бортовой компьютер тут же включил вентиляцию.

– А что вам рассказала Зернянская?

– Истеричка, – пожаловался я. – И считает, что гибель Василия Зернянского – дело рук Шантолосовой.

– Анита у нас всегда была истеричка. А когда вдовой сделалась, характер стал еще хуже.

– Думаю, Зернянская просто боится, что и ее следом за мужем...

– Да, вы правы. Я организовал ей охрану. А то она из дома боялась выезжать. Хотя сомневаюсь, что она кому-то нужна. Бухгалтерша без царя голове и умения нравиться мужчинам...

Он определенно не любил маленьких пампушек, и я вдруг почувствовал к нему симпатию. Этакая мужская солидарность там, где обычно стоит во весь рост одно только соперничество...

– Кстати, Зернянская считает, что Шантолосова убила ее мужа не одна. Что у той был соучастник.

– Херня все это! – зло сказал Константинов. – Не убивала Шантолосова никого! А этот якобы соучастник – на самом деле ее любовник. Зовут его Георгий Георгиевич Карачаров, также член совета директоров нашей компании. А Зернянская бесится, потому что сама на него глаз положила после смерти мужа. Да плюс зависть к более красивой и умной...

Я мысленно присвистнул.

Вот это попал! Они же тут все как пауки в банке! Попробуй докопайся до сути! А с другой стороны, как пауки – это же прекрасно. Ненависть кружит головы и заставляет совершать ошибки.

– Теперь вы сами видите: у меня имеются все основания подозревать, что Бердников и Зернянский ушли из жизни неслучайно. Что два подряд несчастных случая выглядят подозрительно.

– Вижу, – согласился я.

Мы помолчали, поочередно стряхивая пепел в пепельницу. Чуть слышно гудел вентилятор. Потом Константинов сказал:

– Да, дело сложное. Раскопать его со стороны очень непросто. Наверное, надо было устроить вас на работу в компанию. Но теперь уже поздно, теперь вас видели под другой личиной, и этот номер не пройдет. – Он в очередной раз затянулся. – Есть другой вариант. Давайте, я как бы стану вашим агентом внутри «Бешанзерсофта».

Меня вдруг осенило.

– Послушайте, Антон! – сказал я. – А за каким чертом я вообще вам понадобился? У вас же целая служба безопасности под началом! Вы же сами способны организовать расследование!

Он кивнул:

– Конечно, способен. Но большой вопрос – кому из моей службы я в таком деле могу доверять. А во-вторых – и в-главных, – подчиненные не должны копаться в личной жизни своего начальства. Это злостное нарушение корпоративной этики. Они и без фактов-то любят поперемывать нам косточки. Опять же могут появиться возможности для шантажа... Нет, такое дело разрушит мою службу. Ну, пусть не разрушит, но помешает нормальной ее работе. Тут нужен человек со стороны. – Он снова затянулся. – Одно я вам могу пообещать... Если вдруг потребуется силовая помощь, можете на нее рассчитывать. Если, само собой, я сочту нужным. Ну и готов выполнять определенные розыскные мероприятия. Если, опять же, сочту нужным.

– Да уж, – скривился я. – Очень многообещающая помощь!

– Простите, но за гонорар надо работать. А не ждать, пока другие вытащат для вас из огня все каштаны.

Тут он был прав. Не за что и платят ничего. А за тот гонорар, что мы от него получили, сам бог велел потрудиться и потрудиться качественно!

– Хорошо, – сказал я. – У меня прямо сейчас есть задание для агента внутри вашей компании. Был бы вам весьма признателен, если бы вы сумели установить, у кого из членов совета директоров имеется алиби во время, когда погибли Бердников и Зернянский.

Во взгляде, который он бросил на меня, загорелось уважение.

– Нет, вы далеко не глупец, Максим. По-моему, обратившись к вам, я не ошибся. Конечно, многого я обещать не могу, но что сумею – сделаю.

– Интересно, а у вас у самого-то имеется алиби?

Он усмехнулся:

– Да хрен его маму знает! Надо будет вечером заглянуть в дневник. Обычно перед сном я записываю все свои похождения в течение дня. Иначе на нашей работе нельзя.

А я вот ни черта не записываю, подумал я. Разве что отчет для Поля. Хотя не мешало бы и записывать! Мне, правда, еще не приходилось сталкиваться со случаями, когда «иначе на нашей работе нельзя». Но где гарантия, что таких случаев не ожидается в будущем? Алиби никогда не бывает лишним. Особенно в нашей родной стране, где засадить человека в тюрьму всегда было как два пальца обоссать... Жил вот в прошлом веке какой-то сексуальный маньяк – по имени то ли Закатило, то ли Покатило, то ли еще как-то так, – за дела которого расстреляли пару человек, а когда его, наконец, поймали, выяснилось, что наказали-то невинных... Нет, с сегодняшнего же дня начну записывать – хотя бы в какое время в каком месте находился и с кем встречался.

– А нельзя ли кого-нибудь из ваших людей подчинить мне напрямую?

– Вряд ли. – Константинов опять усмехнулся. – Это неизбежно вызовет ненужные вопросы. Да вы привлекайте со стороны любые кадры, я все оплачу. Был бы результат...

В моей душе вдруг родилась уверенность, что результат будет. Не зря же я – везунчик! К тому же, Катя всегда говорила, что нельзя сделать любое сложное дело без веры в успех. Есть на этот счет какая-то соответствующая теория. Следуя ее постулатам, американские нищие миллионерами становились. Может, конечно, и не нищие. Но становились!

– Результат будет! – сказал я. – Можете не сомневаться.

– Да я и не сомневаюсь. Вера в грядущий успех – едва ли не половина этого успеха.

Вот и господин Константинов туда же, куда Катя. А мне-то и сам бог велел!

Антон раздавил в пепельнице окурочек:

– Как только что-нибудь узнаю про алиби, немедленно дам вам знать.

Я кивнул. Больше сказать мне было нечего. Ему, судя по всему, тоже.

И мы распрощались. Я перебрался в «забаву». Голубой «рено» отвалил от тротуара и растворился в уличном потоке машин.

Мимо протопал рекламный агент, изображающий из себя телефонную трубку. Его прогулки должны были подвигнуть питерцев на покупку «нокии» последней модели. Судя по рекламе, модель изначально комплектовалась внешними наушником и микрофоном, чтобы руки были свободны. А главное – имелся постоянно действующий канал связи со своим сетевым агентом. Как только позволят финансы, куплю себе такую штучку. Пригодится... А еще лучше – оборудую «забаву» бортовым компьютером. Как у господина Константинова. Как у ментов.

Человек-трубка развернулся и пошел в обратном направлении.

А я сидел и раздумывал, что предпринять дальше. Без сомнения, вояж в компанию «Бешанзерсофт» удачным предприятием не назовешь. Однако кое-что я выяснил. Ясно, к примеру, что подозрения Антона Константинова обоснованы. Вернее, не подозрения, а утверждения. Администрация компании – самое настоящее змеиное гнездо. В таких сообществах часто рождаются преступления. И как-то надо искать к сообществу подход помимо предложенного мне господином Константиновым. В оперативной работе всегда лучше иметь несколько информаторов. Тогда повышается вероятность получения достоверной информации и, соответственно, уменьшается риск, что тебе втюхают какое-нибудь фуфло.

Я закурил, устроился поудобнее и вновь взялся за анализ своих разговоров в офисе «Бешанзерсофта». Тут же перед моим внутренним взором возникло симпатичное личико девочки Марьяны. И пришла чрезвычайно удачная мысль.

10

Однако немедленная реализация родившегося плана была невозможна, поскольку персонал компании «Бешанзерсофт» работал до восемнадцати часов. Надо было как-то скоротать время, и я забежал в ближайшее кафе, чья навязчивая реклама – чайная чашка, над которой завиточком поднимался пар, – вызывала уже просто обильное слюнотечение. Кафе спряталось за почтовым отделением, в небольшом скверике, расположившемся перед жилой многоэтажкой.

В кафе было пусто, лишь в углу расположилась чисто мужская компания, балующаяся пивком. Баловней было трое, и перед ними стояла целая батарея бутылок «Зеленого Туборга». От такого напитка я бы тоже не отказался, но пиво было сейчас не ко времени. Поэтому я выпил кофе, прибавив к нему булочку со сливками. Это, конечно, не Фрицевы кукурузные оладьи с осенним медом, но тоже неплохо. Я бы перекусил и поплотнее, но следовало оставить место для намечавшегося ближе к вечеру обеда. Если мой план, конечно, удастся... Однако в отношении кофе я не сдержался и заказал вторую чашку, а пока официантка ходила за нею, позвонил Кате и предупредил, что опять буду поздно.

- Как успехи? – поинтересовалась она.
- Туманно. Но, возможно, к ночи что-то и прояснится.
- Будь, пожалуйста, осторожен, – сказала Катя. – Я тебя прошу.
- Обязательно буду, – пообещал я.

Потом, попивая кофеек, я связался с Полем и попросил сетевого агента отыскать мне номер мобильного, принадлежавшего Марьяне Ванжа, менеджеру компании «Бешанзерсофт». Можно было, конечно, позвонить в справочную, но я посчитал, что действовать через сетевого агента – значит, проявлять осторожность, а ведь я только что пообещал супруге вести себя именно так. К тому же, пусть-ка ИскИн над делом тоже поработает.

Не успел я опустошить чашку, как Поль прислал мне эсэмэску с номером. Осталось только его набрать.

- Алё! – сказал девичий голосок. – Кто на горизонте? Номер не секу!
- Привет! – ответил я. – Вы видели меня сегодня трижды. В лифте, в коридоре и в приемной у Елены Владимировны.
- А-а-а, – с энтузиазмом протянула Марьяна. – Привет! Чё надо?
- Хочу пообедать с вами. Сегодня вечером.
- А если я в забое сегодня вечером?
- Чего? – не понял я.
- А если я занята? – перевела она.
- Но ведь вы не заняты. Я прав?
- Она прыснула:
- Вы что, за мной следите? Так, кажется, кличут ваш арбайт? Вашу работу?
- Ага, похоже, Елена Владимировна предусмотрительно поговорила с курьершей-менеджером. Ну что ж, тем интереснее получится вечерок.
- Да я сегодня увидел вас впервые в жизни. – Мне пришлось обиженно фыркнуть в трубку для пущего эффекта. – И вы произвели на меня впечатление.
- Вот прямо так и произвела?
- Да, неизгладимое... И, полагаю, я не один такой. Полагаю, вы и на других парней производите впечатление.

Нет прямее пути к сердцу женщины, чем говорить ей комплименты.

– И вы будете аскасть... задавать мне вопросы? – В голосе Марьяны звучало откровенное любопытство.

– Ни в коем случае, – сказал я проникновенно. – Вечерами я не работаю. Вечерами я отдыхаю. И вас приглашаю отдохнуть. Хотите на дискотеку?

– Не-а. – Теперь фыркнула она. – Чего я на топтодроме не видела! Как куски ширяются?

– Куски? – не понял я.

– Ну, парни. Они себя кусками называют. А нас, девчонок, лоханками.

– Интересно, – сказал я. – У нас парни назывались обмылками. А девчонки – мыльницами. А когда они залетали, говорили: «мыльце завелось».

– Правда! – она расхохоталась в трубку. – Клеваяк без банданы!

– Чего? – сказал я. Хотя смысл, в общем-то, понял.

– Все на клюшке, – перевела она. – Здоровско. Ладно, я брошу кости с вами, но только если вы позовете меня в кабаκτηрий. В ресторан.

Я мгновенно сообразил, что ее еще ни разу не приглашали в рестораны. На дискотеки, на квартиру, когда нет родителей (в наше время это называлось «свободная хата»), на пляж, в интернет-кафе... И, конечно, душа ее требовала расширить список этих злачных мест.

– Хорошо, – сказал я. – Приглашаю вас в ресторан. Официальное приглашение, правда, прислать не успею, но, надеюсь, хватит этой телефонограммы.

– Я рублю концы в шесть, – сказала Марьяна, смеясь. – Могла бы и пораньше отпроситься, да Елена выпросит и начнет воспитухи.

– А вы ей просто не говорите.

– Все равно догадается, что я на стрелку намылилась. Вы даже не представляете, как она мне надоела. Елена – давняя матушкина подруга, так и зырит за мной: с кем я пошла, с кем посмеялась, с кем покурила. Старая стерва!.. Годится в шесть двадцать?

– Годится, – подтвердил я. – Буду ждать вас возле памятника Ильюшину.

– Это что за памятник? Это где такой мэнчик в военном мундире, сапогах и фуражке?

– Он самый. До встречи! – Я отключился.

Глянул на часы. Было всего без четверти четыре, и до нашей встречи оставалось больше двух с половиной часов.

Я отправился к своей машине, забрался в салон, поставил будильник на мобильнике, вытащил из «бардачка» дежурную бейсболку, откинул спинку кресла и расположился поудобнее. Напялил на макушку бейсболку так, чтобы козырек прикрывал глаза.

Кто знает, может, ночью и вообще спать не придется? Хотя, конечно, я попытаюсь всячески избежать такого варианта. Но заранее не зарекайся! Дело, как известно, есть дело!

11

Сигнал будильника разбудил меня без пятнадцати шесть.

Я выбрался из машины и размял затекшие ноги. Моя заспанная в такое время физиономия удивляла встречающих-поперечных, но мне было наплевать на их удивление. Главное, чтобы она не изумила Марьяну.

Хорош гусь, япона мама, спит перед свиданием с девушкой!..

Поэтому я отправился в уже знакомое кафе, а там зашел в туалет, умылся, вытер физиономию бумажным полотенцем и примерил на нее различные выражения – от умильной безбашенности до строгой мужественности.

Вошедший в сортир любитель пива, которому потребовалось освободить емкость для очередной парочки бутылок, посмотрел на меня подозрительно, однако я оказался парень не промах – улыбнулся и подмигнул ему, и душа его тут же освободилась от подозрений. Впрочем, останься она, его душа, в веригах подозрительности, я бы не заплакал от испуга. В конце концов, я не собирался грабить банк – я всего-навсего намеревался запудрить мозги девушке, а если и существует законодательный акт, под который подпадают эти действия, то разве лишь моральный кодекс строителя коммунизма. Даже устав гарнизонной службы не касался таких ситуаций, а уж создатели УГС стремились охватить все.

Я вернулся к машине и решил поискать ближайший ресторан. Сей подвиг решено было совершить без помощи искусственного интеллекта – напротив, почты, на другой стороне, располагалось интернет-кафе, я отправился туда. Воспользовавшись тамошним «железом», вылез на сайт «Санкт-петербургский гурман (рестораны, кафе, бары)», десятилетиями проводивший в жизнь идеи Ильи Лазерсона, и быстро отыскал неподалеку ресторанчик с оригинальным названием «Северная Венеция». Затем расплатился, вернулся в машину, взялся за мобильник, позвонил в эту самую «Венецию» и заказал столик на двоих. А потом включил зажигание и в шесть пятнадцать был около памятника знаменитому авиаконструктору, чьи не менее знаменитые штурмовики кромсали врага без малого век назад. Да и сейчас прославленное КБ продолжает работу, создает военные и гражданские ракетопланы и космические самолеты. Так что бронзовая фигура поставлена здесь не по благу и не за красивые глазки.

Я вышел из машины и подошел к пьедесталу. Покрутил на пальце ключи от «забавы», хватким взглядом оглядел окрестности.

И началась самая великая из всех охот – охота на человека...

Где-то я слышал такую фразу. Но она не верна. Самая великая из всех охот – это охота мужчины на женщину, а равно и наоборот – женщины на мужчину, правда, в последней я если и участвовал, то, во-первых, не ведая того наверняка, а во-вторых, в качестве добычи.

Марьяна появилась ровно в шесть двадцать. На ней теперь не было белой блузки и черной юбки, зато было одеяние, которое саму ее делало охотницей, – коротенький голубой топик с глубоким вырезом и такого же цвета коротенькие шортики. Мой покойный папа посчитал бы такую одежду подходящей разве только для пляжа, а уж Ниро Вульф непременно бы поднял на одну четвертую дюйма свои знаменитые плечи. Я же потрясенно вытаращил глаза и едва не пустил слюни.

Как и днем, охотнице это понравилось.

– Приветтики! – сказала она с видом величайшей скромницы, неведомо как оказавшейся рядом с мужчиной.

– Добрый вечер! – Я был учтив до безобразия: она даже глаза вытаращила.

Наверное, ее иначе чем «Привет, лоханка!» парни еще ни разу не называли. Что ж, учиться никогда не поздно...

– Привет, лоханка! – поправился я.

Она расхохоталась.

А когда отсмеялась, я взял ее под руку и повел к автомобилю. Вдохнул аромат ее духов. Запах оказался нерезким и приятным.

– Вау! – сказала она, когда я открыл перед нею дверцу. Сделала книксен. Движения были изящны.

– Ого! – отозвался я. – Клеваяк без банданы!

Она вновь расхохоталась, усаживаясь.

Я закрыл правую дверцу, обошел машину и угнездился на водительском сиденье.

– Куда пожелаете?

– Сугубо фиолетово. Давай на ты.

Скромница оказалась резвой.

– Давай, – согласился я. И вдруг вспомнил прошлый год, «Прибалтийскую, Ингу...

Если мы с Марьяной и дальше пойдем с такой скоростью, завтра утром Катерина нашлепает мне по лысине.

– Как насчет «Северной Венеции»?

– Легко! А конину будем керосинить?

– Эй! – сказал я. – Конина – это перебор. Я же за рулем. Не остановиться ли нам на шампунь?

– Ладно, – милостиво согласилась она. – Шампунь так шампунь. Кстати, ты в теме, что такое шампунь по-домашнему?

– Нет.

– Водяра под шипение жены.

Я рассмеялся:

– Не знал этого прикола.

И снова у меня возникло ощущение дежа вю. И стало совсем не по себе. Я даже не произнес ответной хохмочки. Как будто она могла стать механизмом, запускающим процесс возвращения в прошлое.

Я мотнул головой, избавляясь от наваждения, тронул машину и влился в поток. В агрессивной манере перебрался из крайнего правого ряда в крайний левый, пропустил встречных и свернул.

К моему удивлению, Марьяна не трещала без умолку, наоборот – как-то сжалась на сиденье, сгорбила плечи. То ли почувствовала мою секундную неуверенность, то ли представила себе, что произойдет после ресторана, и эта перспектива показалась ей совсем непривлекательной.

Что ж, на Руси не все караси, есть и ерши... Хотя, оно бы и к лучшему, коли так, – карась у меня дома водится, всем карасям карась, который вполне может превратиться в щуку. Но не выходить же из образа. Тем более что от неуверенности не осталось и следа – Арчи Гудвин повалил Вадика Ладонщикова на обе лопатки.

– Чай, кофе, потанцуем, – сказал я. – Шампунь, конина, полежим.

Она вдруг резко повернула голову, посмотрела на меня в упор:

– Наше дело не рожать, да?

Однако Арчи Гудвина такими выходками не смутишь.

– Наше дело не рожать, но и без нашего дела не родить. – Я притормозил и лихо припарковал машину к тротуару.

То ли мой каламбур развеселил девицу, то ли просто она для себя что-то решила, но Марьяна вновь повеселела.

Сквозь полуоткрытые окна кабака неслась музыка, пока электронная, но, судя по афише у дверей, в восемь вечера начиналась живая программа какой-то певички. Верх фасада украшала голограмма – усатый гондольер уверенно вел по воздуху свое суденышко с парочкой

влюбленных, взявшихся за руки и не сводивших глаз друг с друга. Банальщина, но что еще привяжешь к названию «Северная Венеция»?

– А ты прикольный, – сказала Марьяна, когда я открыл перед нею дверцу машины.

Я самодовольно хмыкнул, взял ее под руку и повел ко входу в ресторан. Рука была горячей, да и все тело Марьяны просто пыталось жаром. Меня всегда изумляла эта девичья особенность – излучать сумасшедшее тепло при температуре в тридцать шесть и шесть десятых градусов.

Дизайн кабака оказался в стиле ретро, на входе нам пришлось пройти через вращающуюся дверь, какую я видел только в кинофильмах прошлого века. Стиль выдержан и внутри – вокруг преобладали оттенки зеленого, на окнах висели тяжелые темно-зеленые портьеры, а столики скрывались в этих альковах, скрытых от посторонних глаз салатными шторами. Впрочем, были и открытые места, расположенные в центре зала, между альковами. У дальней от входа стены располагалась невысокая сцена, в настоящий момент – пустующая.

– Вы на виду хотите? – поинтересовался метрдотель. – Или?

– Или, – сказал я решительно.

Нас провели в один из альковов, усадили за столик, предложили ознакомиться с меню.

Я открыл его и просмотрел. Конечно, черепаховый стейк здесь не водился. Как и шиш-кебаб... Но кто мешает нам заменить его другим кебабом – люля? Или вообще заказать котлету по-киевски?

Я передал меню Марьяне.

Она разглядывала его недолго.

– А что, гамбургеров в этом кабаке не дают?

Я свел к переносице брови:

– Девочка, это же не фаст-фуд! Это русский ресторан!

Хотя, честно говоря, название «Северная Венеция» могло бы предполагать и итальянскую кухню. К примеру, местный шеф-повар мог бы освоить тальярини или, к примеру, голубей под венецианским соусом. Это было бы самое то...

– Тогда выбирай сам! Если гамбургеров нет, мне сугубо фиолетово.

И я выбрал.

Салат «Московский»; морковь по-корейски; телятина жареная по-одесски; мороженое «Ленинградское»; шампанское «Донское игристое».

Когда я перечислил все это официанту и он удалился, Марьяна откинулась на спинку стула и сказала:

– У тебя, наверное, в школе по географии одни питекантропы были.

– И не только по географии, – заметил я. – У меня были пятерки по физике, химии и геометрии. Закон Ома вот до сих пор помню. Хотя совершенно не понимаю, зачем он мне в повседневной жизни.

– А по литературе?

– Никогда не любил. Этот предмет слишком неустойчив.

– Как это? – удивилась Марьяна.

– Курс колеблется вместе с политической линией. Сегодня изучают Шолохова, завтра Стругацких, а послезавтра и вовсе Акунина.

– Но детективы-то читаешь?

– Еще как! Стаута просто обожаю. И многих других.

– Так вот почему ты стал частным сыщиком...

Ого! Девочка, оказывается, не глупа...

– Я вовсе не частный сыщик. Я работаю на страховую компанию.

– А какая, блин, разница? Да ты не писай лимонадом, я никому не скажу, я умею держать язык за зубами.

Я тут же рассказал ей анекдот по то, как Моника обещает Биллу «держат язык за зубами».

Она усмехнулась и зевнула:

– Лажа! Этому тексту сто лет в обед. Я его еще в гимназии слышала. Ты бы спрашивал, что хочешь. Про кого тебе рассказать?

Так! Девочка, оказывается, **ОЧЕНЬ** не глупа...

– Ну хорошо! Расскажи про верхушку «Бешанзерсофта». Ты давно у них работаешь?

– Скоро будет полгода. – Марьяна подняла руки и грациозно потянулась. – Семестр мозги массировала в универе, на биофаке, но заколебало. Вакуоли-цитоплазмы, тоска зеленая! Бросила. И пока учиться не тянет. А про верхушку могу тебе сказать одно: козлы они все.

– И женщины?

– А женщины – суки, которые вокруг козлов вьются. – Она мотнула головой. – Конечно, это не про Полину. Полина – супер! Про нее никто худого слова не скажет, кроме завистников.

– А правда, что покойный муженек Шантолосовой был голубой?

Марьяна усмехнулась:

– Был. На меня смотрел как на пустое место, когда я в кабинете оказывалась. Я это секу. Они, по-моему, ради дела женились. Еще в молодости. Он, наверное, сообразил, что у Полины жбан в порядке и что она на многое способна, вот и привязал к себе. Они же вместе создавали «Бешанзерсофт». И еще Зернянский вместе с ними?

– А тот что из себя представлял?

– Козел! – в голосе Марьяны прозвучало откровенное презрение. – Но с ориентацией – клеваяк без банданы. Меня как-то за ананасы тискал. И под юбку залезть пытался. Пришлось выписать в торец.

– Выписать в торец? Курьерша – одному из директоров?.. И он тебя не вышвырнул из фирмы?

Личико Марьяны стало хитрым.

– Наверняка бы вышвырнул. Да в ту же ночь кони и бросил. То ли в дерево на своем «мерсюке» воткнулся, то ли в каменный забор. – Она глянула на меня победительно. – Я тебе уши не шлифую, ей-бо! Я бы без проблем Аните рога с ним наставила, да он противный был. Головочлен, толстый, и черпалки вечно мокрые...

– А Анита? Она какая?

– Дура набитая! И завистница!

– Эко ты начальство уважаешь! Как же ты работаешь с ними?

– Так мне же за жизнь свистеть с ними на надо... Анита Гербертовна, почта... Хорошо, Марьяночка, положи вот сюда на стол, милочка... Вот и весь свистеж!

Подошел официант с подносом. Одарил нас вкусными запахами.

– А вообще-то работа – тупорыльник. Душняк! Лоханки только косточки друг другу перемывают.

– А куски?

– Есть парочка клёвых. Но без фантазии, сермяга! Трёпы только о том, как бабла настрегать.

Мне вдруг подумалось, что она гуляет сразу с «парочкой». В смысле – и с тем, и с другим. Откуда-то донеслась приглушенная мелодия «А ты меня за руки не бери» в исполнении трио «Марсианки».

Я поморщился. Не люблю эту группу. Но с названием они угадали. По мне, им самое место как раз на Марсе, с его ублюдочной атмосферой...

Марьяна открыла сумочку и вытащила мигающий мобильник.

– Да... Я зажигаю... Звякни тетке Елене и спроси у нее... Да, ясно-ясно... Ладно, врубаюсь... Пока.

– Один из сермяг? – поинтересовался я, когда она выключила телефон.

– Чего? А-а... Нет, это маман. Беспокоится за мой моральный облик. Как будто я без башни...

– Приятного аппетита! – сказал официант, налил в бокалы шампанского, поставил бутылку в ведерко со льдом и скрылся за шторами.

Я поднял бокал:

– За знакомство!

– За знакомство!

Чокнулись, выпили. И взялись за вилки с ножами.

Салат «Московский» оказался очень даже ничего. Не «Дьявольский дождь», разумеется, но... А мне опять пришло в голову, что в кладовых моей памяти на ближних полках почему-то находятся познания о Фрицевой кухне, а вовсе не о профессиональных навыках Арчи. Впрочем, ведь кушать всегда приятнее и полезнее, чем работать. И безопаснее, кстати. Особенно частному детективу...

Марьяна жевала молча. Наверное, ее заботили мысли о собственном моральном облике.

Я еще раз спросил себя, правильно ли поступаю. Но другого выхода не видно.

– Умгум, – сказала Марьяна. – Обо бубо! – Закрыла рот, пережевала и перевела: – Очень вкусно!

Я согласно кивнул. И спросил:

– Значит, говоришь, работа у тебя скучная?

– А чего в такой работе может быть интересного? – вопросом на вопрос ответила девица.

И продолжила: – Подай-принеси, сбегай-найди...

– Ну вот у меня тоже сбегай-найди.

– Ха! – Она фыркнула. – Так это совсем другое сбегай-найди!

– А если я предложу тебе заделаться моей помощницей?

Она даже поперхнулась и закашлялась.

Я встал, перегнулся через стол, постучал Марьяну по спине. Мысленно обозвал себя идиотом. Непрофессионально это – совершать поступки, которые привлекают внимание. Хорошо еще, соседи ничего не видят.

Марьяна, наконец, прокашлялась, вытерла рот салфеткой.

– По-моему, это было покушение на убийство. Ты хотел меня задушить.

– Разумеется, – сказал я. – Чтобы лоханка знала, что ее ждет в случае отказа от моего предложения.

– А я и не собиралась отказываться! – Она улыбнулась. – Я всегда задвигалась от Деллы Стрит. И мисс Леман.

Ого, каких мы героев знаем! Вернее – героинь... Нет, похоже, я в девушке все-таки не ошибся!

– А другая мисс? Которая Марпл?

Марьяна снова фыркнула:

– Ну, она же старуха! Как может нравиться старуха?

Будь молодость хоть семи пядей во лбу, она не приемлет старости. Психология... И такое вполне нормально. Но понимать это начинаешь, когда сам переваливаешь через тридцатник.

Марьяна вдруг встала:

– Мне уже пора в эмжо.

Я кивнул и, поскольку мне тоже было пора, провел ее по залу к удобствам.

Когда мы вернулись за стол, она спросила:

– А что надо будет делать? За кем следить?

Я усмехнулся. Мысленно, разумеется.

– Следить не за кем не надо. Надо слушать разговоры. И делать выводы. Кто с кем спит, кто кому в морду готов дать.

– И всего-то? – разочарованно протянула Марьяна.

Ого! Похоже, девушка рассчитывала на задания уровня Маты Хари. Вот только она, должно быть, не помнила о том, как закончила Мата Хари. Если Марьяна вообще слышала о такой исторической личности... Но я-то должен помнить обо всем! Даже если не задумываться о безнравственности происходящего. Впрочем, плевать мне на нравственность и безнравственность, каждый сам за себя. И чем быстрее девочка это поймет, тем проще будет избавиться от юношеского максимализма. Тем не менее ставить Марьяну под угрозу я не стану. Это как с сексом. Одно дело – оттянуть мыльницу, не забыв о резиновом друге. И совсем другое – сломать ей жизнь несвоевременной беременностью!

– Уверяю тебя, это немало, – сказал я. – Это только в кино детективы гонятся за преступниками по ночным улицам с пистолетами наголо. А в жизни все по-другому. Надо уметь слушать и делать выводы. Из разговоров узнаешь гораздо больше, чем из пустой беготни. Кстати, эта работа оплачивается.

Ее глаза вспыхнули, но ядовитые слова (по крайней мере, мне показалось, что они будут ядовитыми) слететь с губ не успели, потому что штора отодвинулась и в альков снова вошел официант. Поставил на стол тарелки с одесской телятиной, вновь разлил по бокалам «Донское».

– За наше плодотворное сотрудничество! – сказал я. – За дороги, которые мы выбираем!

Когда бокалы опустели и были поставлены на стол, глаза Марьяны сделались лукавыми. Как у мисс Марпл в исполнении Татьяны Петровны Азаровой...

– Я правильно понимаю, что кусок трахать лоханку сегодня не намерен? – Лукавства в глазах прибавилось. – Ты не пидай лимонадом, я не клара целкин.

– Я не писаю, – сказал я. – В другой раз...

Может быть, добавил я мысленно.

– Что, лоханка оказалась не в кайф?

Кажется, под ногами у меня разверзалась пропасть глубиной в полный облом. Надо было срочно спасать положение, а я не имел ни малейшего понятия – как. Лоханка оказалась в кайф. В смысле, мозгов. Да и всего остального прочего.

– Лоханка – клеваяк без банданы, – сказал я. Снова встал, обошел стол, наклонился.

Она запрокинула голову.

И я спас положение поцелуем старшего товарища. Губы у нее были теплыми, мягкими и влажными. Как у Кати или Лили, или... Сколько их у меня было? Даже у горянок губы были теплыми. Только сухими и шершавыми от страха и ненависти. И это заводило еще больше...

Из всех только одна попыталась ударить меня в промежность. Ее звали Кентер. Я не убил Кентер, просто отдал пацанам и сказал, что ничего не буду знать. И часа не прошло, как над истерзанным телом выла мамаша...

– Эй! – сказала Марьяна и щелкнула пальцами у меня перед лицом. – Не впадай в торч! Можно подумать, первый раз слюни гоняешь.

Ее грубость вернула меня в настоящее.

– Прости, – сказал я, переводя дыхание.

В глазах у нее мелькнул испуг, но быстро исчез, растаял.

– Лоханка – клеваяк без банданы, – повторил я. И поправился: – Ты классная девчонка! А этот вечер у нас не последний.

Она поднялась со стула, и я снова ощутил мягкость и теплоту ее губ. И девическую упругость груди. Потом она села и спросила:

– Явки и пароли будем оговаривать?

Я вернулся на свое место, налил в бокал минералки, с шумом выглотал. Мне было наплевать на приличия. В конце концов, я не отец Сергей, чтобы отрубать себе палец. Или что он там отрубил?

Взгляд Марьяны снова был лукавым.

– Обойдемся пока без явок, – сказал я заговорщицким шепотом. – Связь по мобильнику. Заноси в память номер.

Она достала трубку, я продиктовал цепочку цифр. Она набрала номер, и мобильник у меня в кармане с готовностью изобразил «Мишель».

– Шеф, связь установлена! – доложила она, отдавая честь.

– К пустой голове руку не прикладывают! – отозвался я.

Эти банальности вернули вечер в нормальное русло.

Мы потихоньку расправлялись с тем, что стояло на столе. Потом перекурили. Потом попросили добавки. То есть я попросил, потому что Марьяна в ответ на мое предложение даже руками замахала:

– Нет, иначе я встать не смогу, и тебе придется нести меня на руках. И я буду скомпрометирована.

Оказывается, она знала не только жаргон тинэйджеров, но и нормальные слова. Я не преминул заострить на этом внимание, а она напомнила, что университеты проходила не только по подвалам и помойкам. Да и родители у нее – не бомжары...

Мы протрепались под мою добавку (шампанское я больше не пил – Марьяна справлялась с ним в одиночку; и весьма успешно, кстати), потом под мороженое «Ленинградское».

Мертвая Кентер снова ушла в забвение и как-то так получилось, что она увела с собой Вадика Ладонщикова, а его место занял опять Арчи Гудвин, которому уже казалось, что лучшим окончанием вечера будет проводить новоиспеченную агентессу до дома, а возле дома она пригласит кавалера попить чаю, и случайно там не окажется родителей, и чай постепенно будет превращаться в афродизиак, а партнерша по чаепитию – становиться все привлекательнее и привлекательнее, и у меня не останется иного выхода, чтобы в интересах дела пойти на совсем не деловой контакт...

Но тут зал наполнился гудением, и оказалось, что уже восемь и время слушать местную певичку. Группа у нее была живая (ретро есть ретро!), и минут пять шла настройка инструментов, а динамики сообщали нам женским голосом: «Раз, два...»

– Раздернем шторы, – предложила Марьяна. – Может, тут и плясы устраивают. Я бы подергалась. А ты?

– Плясы так плясы. – Я раздвинул зеленые портьеры, закрывавшие наш закуток от чужих глаз.

Певичка оказалась на вид старше меня, наголо бритой, с оттопыренными ушами, в дражной джинсовке. По стать ей были и музыканты, и меня уже воротило, и надо было срочно унести отсюда ноги (терпеть не могу новых хиппи!), и я уже повернулся к Марьяне, собираясь подвинуть ее на сей поступок...

Но тут бритоголовая сказала: «Три, шестнадцать!» Барабанщик трижды простучал палочками, знакомо заныла гитара, и я остолбенел.

А потом вступила бритоголовая:

Море обнимет, закапает в пески,
Закинут рыболовы лески,
Поймают в сети нашу душу.
Прости меня, моя любовь...

Бог мой! Это была песня издалека, из младенческого детства... Нянька Ленка была фанаткой Земфиры, и песни эти гремели у меня в детской с утра до вечера (если, конечно, в гостях не было кого-нибудь из бабок), и потом рассказывали, что первое пропетое мною было «...хочешь, я убью соседей, что мешают спать...»

А бритоголовая продолжала:

Поздно о чем-то думать, слишком поздно,
Тебе, я чувствую, нужен воздух,
Лежу в такой огромной луже,
Прости меня, моя любовь...

Это было про меня. И про Катю. И рядом с нами не могло быть ни Лили Роуэн, ни всех других... Ни растерзанной, распластанной на земле Кентер, чьи незрячие глаза смотрели в небесную бездну, и стыли в них... нет, не страх и ненависть, лишь удивление и обида...

А бритоголовая пела:

Джинсы воды набрали и прилипли,
Мне кажется, мы крепко влипли
Мне кажется, потухло солнце,
Прости меня, моя любовь...

– Что за сингерша? – спросила Марьяна, когда песня закончилась и знакомые звуки умерли. – Ты в теме?

– Молчи и слушай, – велел я.

Больше мы не разговаривали. Я переставил свой стул на другую сторону стола, рядом с Марьяной. Она тоже не спускала глаз с лысой певицы, и между нами наступило единение, но не то, которое приводит в постель, а то, из-за которого прикрывают грудь товарища в бою.

А безволосая продолжала петь.

Шкалят датчики... Хочешь, я взорву все звезды?.. А девушка созрела... Я тебя ненавижу...

Перед сценой слились в танце две пары, но все прочие оставались за столами и, отложив вилки, завороченно слушали с открытыми ртами.

Безволосая пела.

И я снова был в прошлом, и рядом сидела мама, в сарафане в горошек, а я качался на качельках во дворе нашего загородного дома, и лаяла на кого-то за забором собака Альма, и все еще в жизни было впереди...

– Делай со мной что хочешь, – пела бритоголовая.

И я уже готов был позвать официанта и попросить графинчик с коньячком (наш дачный сосед, когда его спрашивали, как правильно – коньяку или коньяка, – отвечал: коньячка), но тут безволосая спела:

Ветер рассказал мне о страшном секрете,
Нам остаются последние сутки.

После чего барабанщик отложил палочки, аппаратуру выключили, и музыканты отправились за свободный столик, и уже открывали коньячок, и уже протягивали к бутылке рюмки, а левыми руками брали с блюда ломтики нарезанного лимона – испокон веку лучшую закуску для коньяка...

Я жестом позвал официанта:

– Счет, пожалуйста!

– Как? Вы уже уходите? – удивился тот. – Через четверть часа музыканты продолжат.

– Счет, пожалуйста!

Он быстро выписал счет.

Я расплатился и двинулся к выходу. Марьяна безропотно поднялась и пошла следом. Мы молча вышли на улицу и молча сели в «забаву». Только тут Марьяна открыла рот, чтобы назвать адрес, и я тронул машину. Ехали тоже молча. Потом она попросила высадить ее за квартал до дома, и я остановил машину там, где она указала.

– Так я позвоню? – несмело сказала она, а я лишь кивнул.

Она махнула рукой, и я уехал, даже не повернув головы и не посмотрев в зеркало заднего вида.

Через минуту я уже не помнил о ней.

Со мной была Катя.

Светофоры на перекрестках то и дело задерживали меня красным светом, я останавливался и подавлял в себе желание расстрелять очередного мерзавца на месте. Заезжая в подземный гараж, я не ответил на приветствие охранника, и он проводил меня удивленным взглядом. Лифт полз по шахте со скоростью улитки, и я едва не приплясывал от нетерпения.

Когда я ввалился в прихожую, Катя высунулась из кухни и спросила:

– Ну как? Что-нибудь удалось узнать?

Я не ответил – я шагнул вперед и прижал ее к себе, и она, почувствовав упругость того, что должно было стать не только моим, сразу все поняла. Тогда я схватил ее на руки и понес в спальню. А там ногой вышвырнул за дверь возмущенного Пусю, содрал с Кати футболку и джинсы, и все остальное, и, рыча и путаясь в собственной одежде, повалил жену на кровать, и мы все делали так, будто у нас и в самом деле остались последние сутки, и бедный Пуся скребся в двери, но мы его почти не слышали...

12

Утром настроение у меня было – хоть вешайся.

Я прекрасно понимал, что если бы не лысая певица и не тексты Земфиры, я бы оказался в постели с Марьяной. Конечно, Арчи Гудвину это было совершенно по барабану, но Макс Мезенцев год назад дал себе клятву, что никогда больше не поддастся первобытной стадии сексуальных отношений, называемой промискуитетом.

За ночь я пять раз просыпался с одной и той же мыслью: если бы мне не удалось удержать себя в узде, нам с Катей и в самом деле остались бы последние сутки. Потом я засыпал, и во сне ко мне являлся доктор Марголин, кричавший: «Либо узда, либо п...зда», – и накатывало чувство стыда, и я опять просыпался, с облегчением обнаруживая, что устоял, но вновь вспоминая о неизбежности последних суток, если нарушу клятву...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.